

статься
РЯДОМ

NEW YORK TIMES
BESTSELLING AUTHOR

АЛЕКСА
РАЙЛИ

Алекса Райли

Внимание!

Текст книги переведен исключительно с целью ознакомления, не для получения материальной выгоды. Любое коммерческое или иное использование кроме ознакомительного чтения запрещено.

Любое копирование без ссылки на переводчика и группу запрещено.

Создатели перевода не несут ответственности за распространение его в сети.

⌘Автор: Алекса Райли

⌘Книга: Остаться рядом

⌘Серия: Для тебя - 1

⌘Главы: Пролог+13 глав + 2 эпилога

⌘Переводчик: Наталья Щербакова(пролог-9 гл.), Олеся (сверка и перевод)

Редакторы: Ирина Духова, Евгения Мартыщенко (пролог-9 гл.)

Обложка: Wolf A.

Вычитка: Екатерина Дерескова

✿ Специально для группы: Золочевская Ирина || Б. Б. Рейд и Beautiful Bastard | Переводы книг

Аннотация

Бывшего рядового русской мафии нанимают защищать юную дочь его друзей, но он понимает, что сделает гораздо большее, помимо ее

безопасности – он сделает ее своей. Навсегда.

Если бы она просто прошептала мое имя, я бы оказался у ее ног, умоляя прикоснуться к недозволенному, попробовать то, что не принадлежит мне и провести ладонями по сладкой невинности, которая меня дразнит.

Восемнадцатилетняя Пенелопа Джастис достаточно взрослая для выпускницы, но – по словам родителей – недостаточно взрослая, чтобы находиться без круглосуточной охраны. Опыт сделал из нее эксперта по побегам от телохранителей. Но одна встреча с Иваном, и она больше не хочет сбегать.

Меня наняли для ее защиты.

Но я не могу перестать думать, что, возможно, кому-то стоило бы защитить ее от меня.

От Ивана у нее перехватывает дыхание в легких, чего не удавалось раньше ни одному мальчику. Впрочем, он далек от понятия «мальчик». Это мужчина – мужчина, который выглядит так, будто, может убить кого-то одним взмахом руки. И он – ее будущее.

Я не могу позволить ей уйти, и не хочу оставлять сам. Я совершил плохие вещи в своей жизни и не заслуживаю ее. Но и поступить благородно не могу.

Я никогда не был благородным и даже начинать не стану...

Пролог

Иван

Она любит танцевать.

Ее маленькое, изящное тело движется в такт мрачных басов, и я опрокидываю в себя рюмку водки. Но жжение не приходит, когда жидкое тепло достигает моего языка и растворяется в горле. Я крепко сжимаю стакан, потому что не могу прикоснуться к тому, чего хочу.

К соблазнительному изгибу ее талии, переходящему в плавную линию бедер. Затаив дыхание, я слежу, как они покачиваются из стороны в сторону. Из стороны в сторону. Ее тело подобно маятнику старинных часов, и я не могу отвести от него взгляд.

Музыка оглушительна, но если бы она просто прошептала мое имя, я бы оказался у ее ног, умоляя прикоснуться к недозволенному, попробовать то, что не принадлежит мне и провести ладонями по сладкой невинности, которая меня дразнит. Невинности, которую я не должен хотеть, но жажду. Чего-то такого чистого и нетронутого, как то, с чем мне не приходилось сталкиваться в жизни.

Стукнув стопкой по барной стойке, я одновременно и разочарован, и испытываю облегчение из-за того, что она не разбилась. Может быть, порез от стекла мог бы охладить чувства, которые выбирируют внутри меня, хотя сомневаюсь в этом. Только не с ней. Не уверен, что вообще что-то смогло бы. Я был бы рад боли, которая стала бы сильнее, чем мое желание к ней. Ибо нет ничего сильнее, чем ее чары, под влияние которых я попал.

Меня наняли для ее защиты.

Но когда я отталкиваюсь от барной стойки и направляюсь в ее сторону, то не могу перестать думать, что, возможно, кому-то стоило бы защитить ее от меня.

Глава 1

Пенелопа

Я прислоняюсь к стене коридора, пытаясь выяснить, что обсуждают в кабинете моих родителей. Я уже простояла здесь больше двадцати минут и не смогла разобрать ни слова. На самом деле, я даже не уверена, что они говорят на английском. Я мельком видела мужчину, который пришел к ним на встречу после ужина. И это было странно, поскольку мои родители никогда не смешивали свою работу с домом. В тот момент, когда наши взгляды встретились, что-то забавное случилось с моими внутренностями. От него перехватывало дыхание в легких, чего не удавалось раньше ни одному мальчику.

Возможно, это связано с тем фактом, что он был далек от понятия «мальчик». Этот самец был воплощением мужественности, возможно, даже большего. Человеком, который выглядел так, будто мог убить кого-то одним взмахом руки. И что самое странное – как кто-то настолько грозный мог привлечь меня? Пробудить что-то глубоко внутри меня. Нечто, о существовании которого я даже не подозревала до встречи с ним.

Мои родители руководят отделом безопасности одной из крупнейших компаний мира, поэтому я была окружена большим количеством людей пугающей наружности. Мы с сестрой даже шептались, что, скорее всего, наш папа в свое время работал под прикрытием на Правительство. По крайней мере, так считает Пандора, мой близнец. И я ей верю, потому что Пандора замечает все. Ничего не ускользнет от ее внимания.

Этот парень кажется мрачным и опасным: от карих глаз, настолько темных, что они кажутся черными, и до растрепанных черных, как смоль, волос. Такое ощущение, что у него нет времени – или склонности – хоть что-то с ними делать. Его походка и манера держать себя вызывают во мне мысли, что его не сильно волнует, как он выглядит. Таким, как он плевать на мнение окружающих, и подобная уверенность очень сексуальна. Это отличается от того, что я привыкла видеть в мальчиках из школы. И эта разница привлекает меня.

Я заметила татуировки, которые шли вдоль костяшек и ладоней и

скрывались под пальто. Затем они выглядывали снова, из-под воротника пиджака, и я думаю, что большая часть его огромного тела была покрыта чернилами. А это мужчина был огромен.

Он не был похож на большинство мужчин, которые работают на моего отца. Они все выглядели так, будто могли уложить вас на лопатки, но при этом всегда чисто выбриты и в костюмах. Но не этот мужчина. Я не знаю, что в нем такого, но меня сразу же к нему потянуло.

И он не похож на мой обычный типаж мужчины, не сказать, что он вообще у меня есть. Мне только восемнадцать, поэтому я еще не определилась в этом. Парни из школы, с которыми я общаюсь, попадают под категорию «золотой молодежи», в принципе, как и каждый парень в ней. Это частная школа, и она ориентирована на детей с самыми богатыми родителями Нью-Йорка. Ни один из парней не носится с татуировками по всему своему телу.

- Только не он, Пенни.

Я слегка подпрыгиваю от шепота сестры. Она стоит рядом со мной, так же прислонившись спиной к стене, будто все время так и провела.

- Как ты это делаешь? – шепчу ей.

Господи. В этом сумасшедшем доме все что ли шпионы? Двигаются бесшумно, как кошки. Когда же иду я, обычно никто не пропускает моего появления. Я громкая и очень неуклюжая.

Она ухмыляется мне, а я закатываю глаза. Она протягивает руку и переплетает наши пальцы.

- Тебя не было в постели.

- Потому что я шпионю, - шепчу я немного громче и передергиваюсь.

Уверена, из меня совершенно ужасный шпион. Можно было бы подумать, что жизнь в одном доме с родителями и Пандорой могла бы научить меня некоторым хитростям. Но мне следовало догадаться, что моя сестра поймает меня. Мы – близнецы, и у каждой из нас отдельная комната с тринацати лет, но она все равно большую часть ночей проводит в моей постели. Она плохо спит, когда одна. Но меня устраивает это. Пандора

всегда была сильнее, даже в детстве. Ей плевать на все, а я – изнеженная девочка, которая обижается на все. Но каждый вечер, именно Пандора приползает ко мне в кровать. От чего у меня появляется ощущение, что я так же обладаю способностью подарить ей чувство безопасности. Так же, как она всегда делала это для меня. От школьных площадок до придурков-мальчиков, Пандора всегда была рядом, чтобы поставить их на место.

- Они, наверняка, знают, что ты здесь, - шепчет она в ответ, а я пожимаю плечами.

Меня это не волнует. Я хочу еще раз взглянуть на темного незнакомца. Что-то в нем разжигает мое любопытство, и я чувствую влечение к нему. Возможно, это из-за загадочности, или, возможно, то, что он кажется трудной задачей. Может быть, и то, что вместе сексуальным мрачным взглядом, я замечаю в нем его одиночество. Моя слабость – вид чьей-то боли, и я уловила ее здесь. Это манит меня.

- Только не он, Пенни. Придерживайся парней из школы.

Я оглядываюсь на нее. Мы внешне похожи, но у меня зеленые глаза отца, а у Пандоры – насыщенно-синий цвет, как у нашей матери. Однако, сложены мы обе, как она. Мы обе маленькие с мелкими чертами лица и темно-рыжими волосами. Наши глаза – единственный способ различить нас. Ну... пока одна из нас не откроет рот. Тогда легко можно сказать, кто из нас кто.

Я чувствую, как тепло опаляет мои щеки. Я не удивлена тому, что она понимает, для чего я здесь стою, пытаясь еще раз взглянуть на него, но все равно немного смущена этим. Я всегда немного сходила с ума по мальчикам, но это никогда не длилось долго. Моя влюбленность длилась секунду, а затем я переключалась на другого. По какой-то причине, когда я узнаю про их ответную симпатию, то быстро теряю к ним интерес. Пандора всегда шутит, что я влюблена во влюбленность, а когда она проходит, ухожу и я.

- Что-то не так. Не могу понять, что именно, но он внешне грубо. Тебе нужен кто-то помилее.

Она права. В нем есть какое-то отличие, но оно такого рода, что мне не хочется держаться от этого подальше. Как бы безумно это неказалось,

но я думаю, что он – мой. Я не знаю, почему, но когда я увидела его, то только об этом и могла думать.

- Черт, - бормочет она, видимо, прочитав все по моему лицу.

Дверь кабинета наших родителей открывается, вынуждая нас обеих отпрыгнуть от стены. Мама стоит на пороге, упервшись руками в бедра.

- Что вы здесь делаете?

- Я хотела узнать, можем ли мы задержаться завтра после школы, чтобы подготовиться к выпускным экзаменам, - тараторит Пандора.

Она всегда начеку и прикрывает нас. Она всегда была такой, даже когда мы были маленькими. Однажды у меня была идея, как украсить нашу комнату блестками, но она отговаривала меня от нее. Но я все равно сделала все по-своему, потому что, ну, у меня ужасный самоконтроль, и когда нас ловили, она всегда брала всю вину на себя. Она всегда защищала меня.

Пандора крепко сжимает наши руки, все еще сцепленные вместе.

Мама закатывает глаза, явно не веря ни единому ее слову. Я перевожу взгляд на тень позади нее. Он смотрит прямо на меня. Сердце подпрыгивает к горлу. Я не могу отвести от него взгляд. Пандора еще раз сильно сжимает мою руку, молчаливо намекая перестать плятиться. Наконец, я опускаю глаза, сразу же ощущая нехватку этой связи.

- Хорошо. У нас с отцом завтра встреча, и мы будем работать допоздна. Ваш телохранитель будет дожидаться вас обеих возле школы.

- Я хотела сходить еще на пробежку после школы, - сообщаю я.

Мне навязали телохранителя Пандоры после того, как я избавилась от своего последнего. Папа приставил ко мне охранника Пандоры и уволил моего прежнего за то, что он потерял меня в очередной раз. Мне, наверное, стоило испытывать чувство вины, но последний парень вгонял меня в дрожь. Он всегда находил способы прикоснуться ко мне, и эти прикосновения стали задерживаться слишком надолго.

Я люблю свою семью, но они все хотят обернуть меня в пузырчатую пленку. Они даже с Пандорой такого не делают. Все думают, что я слишком

мягкая, что, наверное, правда. Я не беру уроки самообороны, и меня мало волнует все, что относится к безопасности. Мне нравится готовить, наряжаться, танцевать и петь до хрипоты. Ну, и мальчики. Только после сегодняшнего дня я вычеркну из этого списка мальчиков. Мужчины. Один конкретный мужчина, который забирается на вершину моего списка.

- Что ж, тебе повезло. Мы нашли тебе нового телохранителя, - мама оглядывается через плечо на мою новую одержимость, и мой пульс учащается. Мне не могло настолько повезти. Я снова бросаю взгляд на него и замечаю, что он по-прежнему не сводит с меня глаз, но я не могу прочитать его эмоции при таком слабом освещении. – Пенелопа, это Иван. Думаю, от него ты не сможешь сбежать.

Мама ухмыляется, и мне приходится прикусить губу, чтобы сдержать улыбку. Иван определенно тот человек, от которого я не буду даже пытаться сбежать.

Я слышу, как Пандора бормочет себе под нос «черт», а его взгляд сощуривается на мне.

Глава 2

Иван

Я завязываю шнурки на ботинках, а потом засовываю нож в ремень на лодыжке. Прикрываю нож штаниной, а затем иду к шкафу, чтобы достать рубашку.

Я переехал в гостевой дом семьи Джастис, хотя его, скорее всего, можно описать, как особняк. Помимо меня еще два личных телохранителя, но они живут отдельно и остаются ночевать здесь только по необходимости.

Гостевой дом хоть и был в нескольких минутах ходьбы от главного дома, но все же дарил некоторое уединение. Сначала я не хотел переезжать в этот дом, но Пейдж сказала, что за мной должок. И это правда.

Я вырос в Пензе, Россия. Мальчишкой я работал на железной дороге, пока в один из дней парень старше по возрасту не явился в поисках курьеров. Тогда я еще не знал, что это значит, но он предложил хорошие деньги за выполнение его работы, а про это я очень хорошо знал.

Моя мама умерла во время родов, и никто не знал, кто мой отец, поэтому меня отдали в приют. Я сбежал оттуда, когда мне было десять, и искал работу, где только мог. Место, из которого я сбежал, определенно не стремилось искать еще один голодный рот, так что я стал беспрizорником и делал все, что мог для выживания.

Я начал принимать пакеты после работы на железной дороге, но в итоге мне доверили больше поставок. Деньги платили хорошие, гораздо больше, чем я мог заработать за честный день работы, и, опять же, мне нужно было питаться. Все это было выживанием. Я был предан тем, кто относился ко мне хотя бы с долей порядочности, но спустя время, мое сердце начало каменеть. Линии стали пересекаться, и я начал терять себя.

Годы прошли, и я стал членом русской подпольной мафии. Контора была грязной, и как бы я ни старался оставаться ей верным, не мог делать некоторые вещи, которые меня просили сделать. У меня не было другой жизни вне этой, так называемой, семьи, и я делал все, что мог, чтобы

выжить.

Но жадность и власть некоторых членов организации стала брать верх, и, вскоре, у нас был уже новый руководитель. Недовольство закипало в наших рядах, и многие пытались покинуть «тонущий корабль», пока их не утянуло вместе с ним. Я понимал, что не хочу «уйти на дно». Как я и говорил, все было ради выживания, когда членов мафии убивали одного за другим. В той жизни не за что было умирать. И я понимал, что должен выбраться оттуда и сделать то, что должен.

Единственным шансом для меня стала информация, которая была полезной. Я получил кодовое сообщение, отправленное мне в идеальный момент, и я был готов к этому. Связной хотел получить информацию о сделке между корпоративным гигантом в Америке и страной в южной Азии. Они были обеспокоены, что это может быть потенциально связано с русской мафией, и хотели проверить азиатскую компанию.

Я согласился предоставить информацию в обмен на безопасный коридор из России. Я хотел исчезнуть, и это было прекрасной возможностью. Я смог бы уехать с Родины и зажить простой жизнью где-то очень далеко. Я никогда не мечтал о богатстве или славе. Я был всего лишь мальчиком, пытающимся выжить зимой. Мой выбор привел меня на темную дорожку, но у меня тогда не было вариантов, и сейчас я готов был начать жизнь с чистого листа.

Я узнал, что мое имя было в списках неугодных новой власти, и я должен был умереть, но я первым сделал свой ход. Моя смерть была инсценирована взрывом на складе, в котором я временно проживал. Инсценировка выглядела так, будто меня убрал тот, кто хотел сделать себе имя в рядах. Чуть позже я узнал, что это был парень, которому я доверял. Через два дня его нашли мертвым.

Через неделю я приехал в Италию, не имея ничего, кроме одежды на мне и флешки в кармане. Мой контакт в «Osbourne Corporation» остался верен своему слову и перевел меня через границу.

Джордан Чен ждал меня в маленьком кафе на берегу моря в Генуе. Я передал ему всю имевшуюся у меня информацию и еще рассказал некоторые известные мне факты. Взамен получил паспорт на новое имя и кое-что еще.

- *Что это?*

- *Возможность, - произнес Джордан, собирая свои вещи.*

- *Я что, перехожу от одного хозяина к другому? – со злостью спрашиваю я.*

- *Нет. Ты ничего нам не должен. После того как я уйду, мы закончим, его глаза светятся честностью, которая контрастирует со шрамом на его лице. – Но, если тебе интересно, мы могли использовать кого-то вроде тебя в этой точке света. Это необязательно должен быть ты, но ты – наш первый выбор. Плюс, оплата будет достаточной, чтобы отойти от дел через год или два.*

Я не слишком задумывался о том, что буду делать дальше. Моеей самой большой трудностью было выбраться из страны незамеченным.

- *Подумай об этом. Когда примешь решение, позвони по этому номеру.*

Я опускаю взгляд на визитную карточку, которая лежит поверх стопки документов. На ней было выбито золотом имя Пейдж Джастис и ниже номер телефона. Я не готов становиться для кого-то сторожевой собакой, но не знаю смогу ли отказаться.

Вот этим я занимался последние пять лет. Я работал в «Osbourne Corp International», проверяя компании, которые они хотели убрать или вести с ними бизнес. Я тратил свое время, ведя слежку за бизнесменами и копаясь в их жизнях. Это была легкая работа и гораздо легальнее того, чем я занимался в мафии. Но, как и раньше, это был одинокий мир, и я устал от изоляции. Чего-то не хватало, и я даже не был уверен, чего. Как кто-то мог испытывать одиночество и понять что это, не имея ничего другого? Но я чувствовал это. Я хотел чего-то другого. В глубине души я знал, что ищу что-то или кого-то.

В прошлом месяце я послал Пейдж сообщение, в котором говорил ей о своем желании отойти от дел. Она ответила, что у ее мужа Райана была замена на этот случай. Тогда я одновременно испытывал и облегчение, и

разочарование, что она не просила меня остаться. Хоть я и хотел свою собственную жизнь, мне все же нравилось быть необходимым. Даже если это был просто бизнес на другом конце света.

К моему удивлению, Пейдж прислала мне сообщение на следующий день, написав, что я задолжал ей последнюю услугу, и попросила прилететь в Штаты.

За эти несколько лет работы я встречался с Райаном и Пейдж несколько раз. Они приезжали в Европу в отпуск, и мы обсуждали дела по несколько часов. Я очень уважал их и считал, что они хорошо работали вместе, как команда. Но были времена, когда я завидовал им, замечая любовь между ними, и мне приходилось извиняться и уходить. Тяжело находиться рядом с двумя людьми, которые обожали друг друга так сильно, и знать при этом, что я никогда не найду такую же любовь для себя. Женщину, которая хотела бы меня, которая была бы милой и нежной. Но, кажется, я привлекал только женщин, которые хотели мрачности. Которые хотели от меня грубости. А я хотел той нежности, которую видел между ними. Любви и преданности. А не боли и тьмы.

Я решил вернуть долг и поехал в Америку. Когда я приехал, они сказали, что хотели бы нанять меня для защиты одной из их дочерей. Этоказалось достаточно легко.

Я заканчиваю одеваться и направляюсь в сторону сада, который отделял гостевой домик от основного особняка. Я согласился остаться здесь на испытательный срок, пока не подвернется что-то постоянное для меня. Они сказали, что Пенелопа все еще определяется с колледжем, и они не хотят пока принимать никакого решения.

Когда я подхожу к задней части дома, то замечаю ее за кухонным столом через стеклянные двери.

Она поворачивается лицом ко мне, как если бы я позвал ее вслух, и наши взгляды встречаются. Таких зеленых глаз, как у нее, я никогда не видел прежде. Нежная, чистая невинность исходит от нее волнами, затрагивая что-то глубоко в моей душе, то, о существовании которого я даже не подозревал.

Мою грудь затапливает теплом, и мурашки сбегают вниз от затылка

по позвоночнику. Все происходит в точности, как было прошлым вечером.

Я никогда не ощущал себя более беспомощным от одного лишь взгляда.

Глава 3

Пенелопа

- Пенни! – Громкий шепот моей сестры вынуждает меня открыть один глаз, чтобы посмотреть на нее.

- Что? – стою я, натягивая подушку на голову.

Я уже давно подумываю использовать тот трюк, который родители сделали с нами, когда избавились от кровати размера «king-size», чтобы мы больше не могли с ними спать. Хотя мне придется раздобыть еще одного близнеца, чтобы выгнать Пандору из моей.

- Я есть хочу, - ее слова выходят обиженными. Мне даже не нужно видеть ее лицо, чтобы понять, какое она строит прямо сейчас.

- А небо голубое, - я перекатываюсь на другой бок, убираю подушку с головы и смотрю на будильник. Чертова штуковина еще даже не сработала. Она постоянно хочет есть. – Какого черта, Пан? Даже вставать еще рано, - бросаю в нее подушкой. Она легко перехватывает ее и бросает обратно на кровать.

- Мне нужно уйти пораньше. Я забыла доделать работу по истории искусств, и мне нужны для этого дурацкие книжки из библиотеки.

Не удивительно. Пандора ненавидит домашние задания. Если бы она могла отделяться одними тестами, то была бы отличницей. В этом году у нас с ней не совпадает ни один предмет, так что я больше не могу напоминать ей о заданиях.

- Чего ты хочешь? – спрашиваю я, выползая из постели.

- Бекон и блинчики, - слышу я в спину. – А еще яичницу с...

- Я знаю, какая яичница тебе нравится, - перебиваю ее я. Я готовлю завтрак для всей семьи почти каждое утро с тех пор, как повзрослела достаточно, чтобы оставаться одной на кухне.

- Ты прелесть! – кричит она, выбегая из моей комнаты, чтобы собраться.

Я ухожу на кухню и начинаю готовить завтрак, попутно упаковывая ланч для всех. Сегодня я делаю томатные сэндвичи с индейкой и сладкой глазурью на ломтиках свежего хлеба.

- Милая, - приветствует папа, входя на кухню и оставляя поцелуй на моей макушке.

- Привет, пап. Сегодня бекон и блинчики, - сообщаю я, вручая ему тарелку.

Он еще раз целует меня в макушку, перед тем как сесть за кухонный островок завтракать. Мама заходит на кухню несколько минут спустя, папа тут же встает, выдвигая для нее стул и даря ей глубокий поцелуй. Я закатываю глаза и улыбаюсь, возвращаясь к упаковке ланча.

Как по мне, родители немного перебарщивают с демонстрацией чувств на людях, но я не хочу, чтобы они вели себя иначе. Мои папа и мама созданы друг для друга, и я надеюсь, что однажды тоже обрету такую любовь. Образ Ивана с прошлого вечера всплывает моей голове, как и несколько моих снов, касающихся его. Щеки начинают пылать, когда я вспоминаю их, особенно тот, где он снова и снова целует меня. И тот, где я прослеживаю его татуировки, хотя их образы нечеткие, а это значит, что мне надо получше их рассмотреть.

Я рада, что не стою лицом к моим родителям, так что они не замечают румянец, освещаящий мое лицо.

- Соберись.

Я подсекаю, не замечая, когда Пандора входит на кухню. Она поедает кусочек бекона, прищурившись на меня.

- Разве ты не спешишь? – злобно смотрю в ответ на нее, вручая ей тарелку с собой, чтобы она могла доесть по дороге в школу.

- Я слежу за тобой, - произносит она одними губами, и мне приходиться подавить свой ответ «*а разве это новость?*». Она забирает у меня из рук тарелку и уходит в сторону родителей, чтобы попрощаться. Она вскидывает руку вверх и машет всю дорогу.

- Она опять забыла что-то доделать? – спрашивает мама, и я киваю.

Папа усмехается. Они не могут на нее долго злиться. Пандоре может и не нравится учиться, но она все равно старается. Мы обе стараемся, даже в одной из самых сильных частных школ страны.

Поскольку мы обе отлично учимся в школе и не приносим слишком много проблем родителям, они предоставляют нам относительную свободу, но при этом с нами должны быть наши телохранители. С тех пор, как нам исполнилось по восемнадцать, правила сильно ослабли. А когда Пандора ударила Итана, мальчика на выпускном, который пытался поцеловать меня, это принесло нам еще больше свободы. Меня перекашивает от этого воспоминания.

Могу поспорить, что Иван принял бы удар и даже не дрогнул. Он не похож на того, кто испуганно убежит после, как это сделал Итан. Он довольно симпатичный мальчик, а я не была готова к тому, что он начнет распускать руки, а Пандора была. И теперь я начинаю представлять, что было бы, если бы Иван сделал то же самое...

- Мы сегодня будем позже, милая, - сообщает мама, вытряхивая меня из моих фантазий. Она огибает стойку и опускает свою посуду в раковину.
– И спасибо за завтрак.

- Вы хоть к ужину будете?

- Разве тебе не нужно готовиться к выпускным экзаменам? – спрашивает она, а мой отец подходит и встает позади нее. Он смыкает вокруг нее свои руки, и она тает в его объятиях.

- Нужно, но приготовление еды всегда помогает мне расслабиться, - напоминаю я ей. Я знаю, они всегда чувствуют себя немного виноватыми, что я готовлю для всей семьи, но мне нравится это. Это одно из моих любимых занятий. Именно поэтому Пандора знала, что я поднимусь с постели сегодня утром, чтобы приготовить ей что-нибудь поесть.

- Ты же знаешь, что я не могу отказаться от твоей стряпни, - мама наклоняется и еще раз целует меня. – И сделай одолжение, Пенелопа, не доставляй проблем новому парню, - она смеряет меня пристальным взглядом.

- Кто, я? – хлопаю ресницами, от чего мой отец смеется.

- Интересно, и от кого она понабралась способностей избавляться от телохранителей? – произносит папа, и в тот же момент мама толкает его локтем в бок. Он прикидывается, что ему больно. – Тебе придется позже там поцеловать.

- Ладно, вам двоим надо идти на работу, - говорю я, вручая им их обеды. Я не хочу слушать их флирт.

Папа обнимает меня и, еще раз поцеловав в макушку, покидает кухню. Я улыбаюсь, когда они уходят, и затем разворачиваюсь, чтобы приготовить самой себе завтрак.

Поднимаю телефон и запускаю музыку на нем. Когда нахожу песню, которая мне нравится, начинаю немного пританцовывать и есть. Я оглядываю кухню, чтобы убедиться, что у меня все есть для приготовления тако сегодня на ужин, и задаюсь вопросом, когда Иван придет сюда? Как только в голове всплывает эта мысль, я поворачиваюсь и застываю, когда замечаю его на заднем дворе, пристально наблюдающего за мной.

Дыхание перехватывает, когда наши взгляды встречаются. Сегодня он в черных брюках и застегнутой до самого воротника белой рубашке. Рукава рубашки подвернуты, и сегодня мне видно немного больше его татуировок. Так много в нем скрыто, и эта часть самая привлекательная.

Я не могу отвести от него глаз, когда он начинает идти ко мне. Я прирастаю к месту, пока его длинные, накачанные ноги сокращают расстояние между нами. Он останавливается у стеклянных дверей, которые выстроились вдоль дальней стены нашей кухни, затем сдвигает дверь и впускает себя внутрь.

Я облизываю губы, когда он закрывает дверь и прислоняется к ней. Его взгляд ни на секунду не оставляет меня, и он не произносит ни слова. Не знаю, сколько мы так стоим, пока ко мне, наконец, не приходит способность глотнуть достаточно воздуха в легкие, чтобы что-то сказать.

- Голодный? – киваю в сторону еды, стоящей на кухонном островке. На нас не похоже оставлять недоеденной еду, но, похоже, сегодня утром все спешили, так что для него осталось достаточно.

- Покормишь меня? – спрашивает Иван и сводит свои темные брови, будто растерян. Именно тогда, я слышу акцент, и думаю, что он русский.

Его голос очень низкий. Гораздо ниже, чем любой другой, какой я слышала прежде.

- Ну, это вроде как моя фишка. Я кормлю здесь всех, - дразнюсь я, отыскивая свой голос в очередной раз. Господи, да что со мной? Я никогда еще не терялась в окружении парней, но Иван – другое дело. Он мужчина с головы до ног, и такого моментального притяжения я не испытывала прежде.

Он проходит дальше в кухню, и я достаю тарелку, чтобы наложить ему немного еды. Когда я поворачиваюсь, он оказывается стоящим прямо позади меня. Мне приходится поднять на него взгляд. Его непостижимо темные глаза сосредоточены на мне.

- Прости, но остался только один кусочек бекона. Я в шоке, что он вообще остался, - произношу я немного с большим придыханием, чем хотелось бы.

Я чувствую, как тарелку тянут из моих рук, и отпускаю ее, зная, что он ее подхватит. Я не смотрю вниз, чтобы убедиться в этом, потому что наши взгляды все еще сосредоточены друг на друге.

- Я съем все, что ты предложишь мне, - просто произносит он, и я чувствую, как краснею.

Мысль о том, что он еще мог бы съесть, приходит в голову, и я отворачиваюсь. Я не хочу попасться с представлением такой непристойной картинки, потому что у меня такое ощущение, что он сможет прочесть это по моему лицу. Бог. Ты. Мой. Со мной точно что-то не так.

Я начинаю убирать кухню, пытаясь отвлечься на что-то, хоть на что-нибудь. Когда я подхватываю тарелку в раковине, Иван протягивает руку и забирает ее у меня.

- Ты готовила для меня, а я помою все за тебя.

Наверное, мне стоит сказать ему, что у нас есть человек, который приходит и занимается этим за нас. Но я взялась за это только потому, что пыталась занять себя чем-то и не выставить себя идиоткой.

- Тебе, наверное, стоит одеться.

Его глаза скользят по моему телу, и смущение затопляет меня. Я понимаю, что все еще в пижамных шортах, которые больше похожи на нижнее белье, и в футболке Гарри Поттера с надписью «Замышляю только шалость», которая настолько выцвела, что ее практически не видно. Когдато она принадлежала моей матери, но мне она так сильно нравится, потому что напоминает, как она читала нам с Пандорой книги, когда мы были маленькими. Она носила ее постоянно, пока я не украла ее примерно пять лет назад.

- Хорошо, - шепчу я, а затем собираюсь, на самом деле, сделать то, что сказал мне телохранитель. Я поворачиваюсь, чтобы уйти, но он перехватывает мое запястье. Я резко останавливаюсь и продолжаю так стоять, пока он удерживает меня. Я смотрю в его темные глаза, не в состоянии шевельнуться. Там так много всего, что я не могу прочесть, но одно распознаю точно.

- Замышляешь какую-то шалость, *красавица*¹? – низкие звуки рокочут в его груди и вибрацией проходятся по мне.

Я облизываю губы и задаюсь вопросом, что означает это слово. И удивлена его вопросу. Он граничит с угрозой, и не похож на то, что он спрашивает только, как обеспокоенный телохранитель, присматривающий за мной.

- Думаю, тебе придется выяснить это самому, - шепчу я, прежде чем вытянуть у него свою руку и выйти из кухни.

Я всю дорогу ощущаю его взгляд на моей спине и вспоминаю, что заметила в нем. Это не было похоже ни на что, что я видела прежде, и хочу этого снова. Ни один мужчина никогда не смотрел на меня так раньше.

С явным желанием.

Глава 4

Иван

Это было ошибкой.

Я чувствую жжение на ладони в том месте, где прикоснулся к ее мягкой коже. То, как я протянул руку и схватил ее, было не похоже на меня. Я стараюсь не трогать людей по возможности, и вот он я: держу ее нежное запястье и пытаюсь вынудить ее оставаться. Она оказывает на меня такое влияние, какое я не испытывал никогда в своей жизни, и я не уверен, смогу ли справиться с этим, но хочу этого, как никогда и ничего не хотел прежде.

Она молча сидит рядом со мной, пока я везу ее в школу. В салоне машины только мы вдвоем, и обстановка кажется какой-то интимной. Я хочу услышать ее снова. Ее голос что-то делает со мной. Он, как бальзам мне на душу. Мне плевать, даже если она просто будет читать словарь. Я хочу слушать ее голос.

- Откуда ты знаешь моих родителей? Я никогда тебя раньше не видела.

Ее вопрос нарушает тишину, которая затапливала меня, и хотя я не хочу ей лгать, я не знаю, сколько правды могу рассказать. Я медлю мгновение, чтобы придумать, как сформулировать свой ответ, но она воспринимает это, будто я не хочу отвечать.

- Ладно. Забудь о том, что я спросила, - она смотрит в окно, но я замечаю обиженное выражение в отражении стекла.

- *Нет.* Нет, - я торопливо переключаюсь с русского на английский. – Я просто пытаюсь придумать, как ответить тебе, не раскрывая при этом конфиденциальной информации, - признаюсь я, желая говорить ей только правду. Вратъ такой чистой душе кажется неправильным.

- Ох, - произносит она, поворачиваясь ко мне. – Ты не обязан, если не можешь. Мне было просто любопытно. Ты отличаешься от всех остальных... вариантов.

Я думаю о других телохранителях, рядом с которыми она находилась,

и крепко сжимаю руль. Мне не нравится то, что она видела так много, и мужчины, которые могли принудить ее. Возможно, мне стоит присмотреть за ними. Я не понимаю, как они смогли так просто упустить ее из поля своего зрения.

- Я помогал им с зарубежными контрактами. Я был осведомителем, - наконец, говорю я.

- А сейчас нет? – спрашивает она.

- Я здесь, чтобы защищать тебя, - что-то в этих словах заполняет мою грудь гордостью. Как будто это работа, для которой я готовился всю свою жизнь. Я руководил подлыми преступниками и научился считывать их эмоции. Я был превращен в оружие, призванное защищать это совершенное создание, которое, уверен, хочет каждый, но только я смогу держать их всех в страхе. Это – цель моей жизни, и я не облагаюсь с этим. Она нуждается в моей защите. Она нуждается во мне. Даже если это неправда, сама мысль наполняет меня гордостью, мое прошлое кажется не таким грязным, потому что я готовился к этому. К ней.

Она замолкает на мгновение, а потом я ощущаю ее взгляд на себе, пока смотрю вперед на дорогу.

- Как ты назвал меня на кухне?

Мне хочется выругаться за промашку, но не могу отказать ей в том, чего она просит.

- Красавицей.

После этого признания следует еще одна долгая пауза, и я не понимаю, оскорблена она или рада этому.

- А как я могу называть тебя? – ее голос тихий, но я слышу в нем улыбку, и мое сердце затопляет радостью от этой мысли.

- Иван, - отвечаю я, оглядываясь и замечая, как ярко засияли ее зеленые глаза.

- Нет, я имею в виду прозвище, - она задумывается на секунду. – Как тебя зовут друзья?

- У меня нет друзей, - отвечаю честно.

Она закатывает глаза и игриво бьет меня по руке.

- Ладно уж, буду твоим другом. Господи. Хватит умолять.

Когда я улыбаюсь ей в ответ, на ее щеках легкой тенью проплывает румянец, и это так мило. Самое совершенное из того, что я видел в жизни. Никогда бы не подумал, что розовый может быть таким красивым.

- Ну, друг. Как мне можно тебя называть?

- Разве «Ивана» недостаточно?

Она постукивает пальцем по своему подбородку, как будто обдумывает это.

- А что-нибудь по-русски?

Сама мысль о ее попытках заговорить по-русски и смешна, и соблазнительна. Я бы с удовольствием уложил ее под себя и шептал бы пошлые фразочки на родном языке. Мне приходится остановить себя от этой скользкой дорожки, иначе, это может привести к неприятностям.

- Возможно, когда ты что-нибудь придумаешь, я научу тебя этим словам, - это лучший компромисс, который я могу предложить.

- Я бы этого хотела, - она выглядывает в окно и указывает на одно из парковочных мест.

- Можешь припарковаться там. Я могу дойти оттуда.

- Я провожу тебя, *красавица*. Пожалуйста, посиди немного, и я помогу тебе выйти из машины.

Она отводит от меня взгляд, но я замечаю улыбку, растягивающую ее губы, перед этим. Я паркуюсь, а затем обхожу машину, чтобы открыть дверь и протянуть для нее свою руку. Я ощущаю мягкость ее ладони и участившееся биение ее сердца. Оно соответствует биению моего, и что-то во всем этом вызывает во мне собственнические чувства по отношению к ней.

Она выходит из машины, и как бы мне не хотелось отпускать ее руку,

я это делаю. Я достаю ее сумку и несу вместо нее, пока мы идем к школьному городку. Большой железный забор огораживает периметр и внутренний двор прямо за ним.

- Ну, ладно, если ты пойдешь так дальше, то это будет похоже, будто ты моя нянька, а не друг, - она улыбается мне, и ее глаза лучатся добротой.
– Я буду на той скамейке в обед, если ты захочешь присоединиться ко мне.

Она указывает на скамейку под кленом, и я киваю.

- Я не настаиваю. Некоторые из телохранителей ждали меня целый день, некоторые – нет. В любом случае, увидимся здесь в три.

- Хорошего дня, Пенелопа, - желаю я, и она тихонько смеется. Мне нравится этот звук и хочется услышать его снова. – Разве я сказал что-то неправильно?

- Все правильно. Это было мило. Твой английский очень хорош, просто немного правильный.

Я киваю, не желая снова смущаться.

Протягиваю ей сумку, и она забирает ее. Наши руки соприкасаются, и на мгновение мы замираем. Ощущение ее нежной кожи на моей грубой татуированной ладони не похоже ни на что, что я испытывал прежде. Она невинна и чиста, а я – полная противоположность. От этой мысли стоило бы отстраниться, но вместо этого я провожу указательным пальцем по внутренней стороне ее запястья и замечаю, как расширяются ее зрачки. Черный поглощает насыщенную зелень, и я могу рассмотреть желание в ее глазах. Я влияю на нее точно так же, как и ее присутствие сдвигает все возведенные мною стены.

Я разрываю эту связь, отступив на шаг назад, и пытаюсь сделать то, что считаю правильным. Мне нужно соблюдать дистанцию, а потом объяснить Пейдж, что я больше не могу выполнять эту работу. Что я в каком-то роде опасен, и мне нельзя доверять. Но только от одной мысли о ней и ком-то другом, находящимся так близко, мое сердце разрывается пополам. Она – моя. Я чувствую это где-то глубоко внутри, в месте, о существовании которого я даже не подозревал.

Так что, несмотря на то, что понимаю, что недостаточно хорош для

нее, я не могу позволить ей ускользнуть из моих рук. Я хочу чего-то хорошего в своей жизни. И этим может стать она. Этим станет она. Я пытаюсь убедить себя в этом, и отпускаю ее.

Она уходит от меня, и расстояние, которое разрастается между нами, сводит меня с ума. Я хочу пойти за ней и убедить поговорить со мной еще немного, задать мне вопросы и рассказать мне свои самые тайные желания. Но вместо того, чтобы последовать за ней, я возвращаюсь к машине, чтобы ждать.

Бросив взгляд на часы, я замечаю, что у меня есть четыре часа, пока я снова не окажусь рядом с ней. Ожидание будет мучительным, но я справлюсь. Потому что даже секунда в ее присутствии стоит нескольких часов одиночества.

Ничего хорошего не выйдет из моей возрастающей одержимости. Хотя я и понимаю, что никак не стану этому мешать.

Глава 5

Пенелопа

Кажется, я не могу усидеть на месте, теребя книгу, которую взяла в школьной библиотеке. Я не обращаю внимания на то, что говорит учитель по экономики. Я хочу открыть книгу и пролистать ее, но знаю, что миссис Смартен будет ругать меня, если я это сделаю. Скорее всего, она заставит меня выйти к доске, чтобы ответить на вопросы, которые, по ее мнению, я пропустила. Боже, я не могу дождаться, когда окончу школу, хотя знаю, что ждет меня дальше. Я отмахиваюсь от мыслей о колледже. Большая стопка извещений о приеме ждет моего рассмотрения, но я не хочу об этом думать прямо сейчас. В данный момент учеба даже близко не завладевает моим вниманием.

Я бросаю взгляд на часы в десятый раз за последние две минуты. Не помню, чтобы с таким нетерпением ждала ланча, хоть и люблю поесть. Это уже должно что-то значить. Но меня не волнует еда. Я просто хочу увидеть его снова. Я хочу сидеть рядом с ним и слушать, как он отвечает мне. Он так отличается от всех, с кем я знакома.

Я прикусываю губу, чтобы сдержать улыбку, вспоминая его миленькое прозвище для меня. Интересно, в России все используют это слово? Как, например, мы, в Америке, используем «милая» или «дорогая». Возможно, он обращается так ко многим. Но опять же, я не могу представить, чтобы Иван называл все подряд красивым. Я хочу, чтобы это имя было моим и ничьим больше.

От моего сердца откололся кусочек, когда он сказал, что у него нет друзей. Это из-за того, что он только что приехал в Америку? Я попыталась разрядить обстановку и пошутила, но, на самом деле, не думаю, что его волновало отсутствие друзей. Казалось, для него совершенно нормально быть одному. Я даже не спросила его, есть ли у него семья. Или жена. Черт.

Что если он не придет, когда я пойду на ланч? Он не ответил, когда я сказала ему, где буду сидеть. От мыслей, что он не появится, в желудке начинает разрастаться дыра. За все это время, что у нас была охрана, мне никогда это не нравилось. Постоянное наблюдение раздражало. Я

понимала, что мои родители слегка расслаблялись и не так волновались, когда получали подробную информацию о нас, но временами я все равно бунтовала против этого.

Мои родители управляют отделом безопасности «Osbourne Corporation». Это компания моего дяди Майлза, но я не знаю точно, чем они занимаются. Мне кажется, это связано с инвестициями и покупкой чего-то. Чем бы это ни было, он совершил много международных сделок, и иногда это может злить некоторых людей. Поэтому мои родители могут быть слишком осторожными. Они думают, что лучше, чтобы мы все были в безопасности. Ведь мы семья. Это означает, что любой из нас может стать мишенью: я, Пандора или наш кузен Генри. Никто из нас никогда не вникал в подробности и мотивы такой защиты, но я думаю, что за этим всем кроется какая-то история.

Как бы я не ненавидела своих телохранителей, я понимала, что они были необходимостью. Даже когда я усердно пыталась сбежать от них, то не поступала опрометчиво. В основном, я просто возвращалась домой. Но сама мысль сбежать от Ивана почти что смешна. На самом деле, я тут сижу и надеюсь, что он придет, когда я соберусь на ланч. Мне нравится, как он смотрит на меня. Он смотрит на меня с разгорающимся любопытством, как будто не уверен, как вести себя со мной.

Когда учительница, наконец-то, отпускает нас, я практически путаюсь в собственных ногах, пытаясь вылететь из класса, как можно быстрее. Когда я выскакиваю в коридор, то замечаю Пандору, которая стоит так, будто дожидается меня. Видимо, она хочет пообщаться вместе, чем мы занимаемся несколько раз в неделю. В остальные дни она проводит время в библиотеке за домашним заданием, чтобы не заниматься этим дома.

- Эй, - произношу я, стараясь держать себя в руках, но она качает головой, и ее хвост раскачивается туда и обратно. В школе всем проще различать нас. Мы должны носить форму, и у девочек есть два варианта: брюки или юбка. Я ношу юбку, а Пандора всегда носит брюки. Она не придает значения своему внешнему виду, когда мне нравится наряжаться. Я чуть ли не плакала в тот день, когда, наконец, смогла влезть в мамины туфли. Я могла бесстыжим образом переодеваться по четыре раза за день.

- Тебя привез сегодня новенький?

- Угу, - все, что она получает от меня. Потому что она знала ответ на вопрос еще до того, как задала его. Мы с Пандорой получили водительские права еще в шестнадцать, но наши родители по-прежнему настаивают на том, чтобы нас возили.

- Где есть будем? – спрашивает она.

- Я думала, что ты поешь в библиотеке, заканчивая свою работу по истории искусств.

У меня такое ощущение, что она до сих пор ее не доделала. Она могла откладывать ее до последнего, но Пандора тоже может быть перфекционисткой. Поэтому, что бы она там ни сделала сегодня утром, она все равно захочет пересмотреть это.

Она рычит точно так же, как мама, когда ее доводит папа.

- Я по-прежнему слежу за тобой, - предупреждает она, прикладывая два пальца к своим глазам, а затем указывая ими туда-обратно между нами. На это я закатываю глаза.

- Ну, и следи дальше, - подмигиваю ей, прежде чем развернуться и направиться туда где, надеюсь, будет ждать меня Иван.

- Пенни, я серьезно. Он – не мальчик, с которым можно играть, как в школе.

Я поворачиваюсь и сверкаю в ее сторону злобным взглядом, потому что народ в коридоре, скорее всего, слышал ее. – И я тебя люблю, Пан, но мне уже восемнадцать. Ты не всегда будешь рядом, чтобы следить за каждым моим шагом.

- Я тоже тебя люблю, - все, что она отвечает, качая головой и уходя в другую сторону.

Я знаю, что в ее словах гораздо больше только лишь любви и переживаний. Они также напоминают мне, что она делает это, потому что любит меня. Я чувствую по отношению к ней то же самое, но я должна иметь возможность отдалиться и сделать свой собственный выбор. Я не могу оставаться в пузыре, в котором они хотят продержать меня вечно.

Вытащив телефон из сумки, я замечаю сообщение от папы с

пожеланиями хорошего дня, а затем множеством смайликов. Я улыбаюсь и отправляю ответное сообщение.

Я останавливаюсь, когда врезаюсь в стену. Вообще-то, не в стену, а в очень большого человека. Мой взгляд поднимается выше к лицу Ивана. Его руки сомкнуты на моих плечах, сдерживая меня от приземления на задницу. Теперь я улыбаюсь еще шире, когда он рядом.

- Привет, - произношу я и пытаюсь придвигнуться немного ближе к нему. Его темный взгляд спускается по моему лицу к телефону в руке.

- Что вызвало твою улыбку? – наконец, спрашивает он, кивая на телефон. – Парень? – он прищуривается. А затем оглядывается по сторонам. – Он идет сюда?

Этот вопрос звучит, как угроза, как если бы у меня был парень, то он позаботился бы об этом.

Моя улыбка становится еще шире. Мне нравится его ревность гораздо больше, чем должна. Теперь я знаю, что это значит. Я ему нравлюсь. Могу сказать по искоркам в его глазах, что его комментарий не касается моей защиты.

- Я улыбаюсь, потому что ты пришел пообедать со мной, - он снова пристально смотрит на меня и не ищет больше моего несуществующего парня. – Но сначала, из-за моего отца. Он обожает слать дурацкие сообщения нам с Пандорой в течение дня.

Морщинки вокруг его губ разглаживаются, и напряжение заметно покидает его тело. Он кивает, затем протягивает руку, снимает сумку с моего плеча и забирает телефон.

- У тебя короткий перерыв на обед, и ты должна поесть, - он оглядывается на скамейку, про которую я ему говорила, и я беру его за руку.

Он замирает на мгновение и смотрит на меня сверху-вниз с удивлением на лице.

- У меня нет парня, - сообщаю я. – А у тебя есть девушка? Жена? – клянусь, я перестаю дышать, после своего вопроса.

- *Nem.*

Я чувствую, как расслабляюсь. Я замечаю, что моя реакция совпадает с его, когда я сообщила ему о том, что у меня нет парня.

- В это трудно поверить, - дразню я, утягивая его к скамейке и опускаясь на нее. Я забираю у него свою сумку.

- Вовсе нет. У меня никогда не было ни девушки, ни жены.

Я замираю от его слов, затем отвожу взгляд от него и копаюсь в сумке в поисках ланча.

- У тебя есть семья, Иван?

- *Нет*, - просто отвечает он, вводя пароль, чтобы разблокировать мой телефон. Я хочу спросить, откуда он знает мой пароль, но не делаю этого. С такой семьей, работающей в сфере безопасности, все тайное всегда становится явным. Но мне плевать на телефон сейчас. Я все еще размышляю о той легкости, с которой он сказал мне, что у него нет семьи. Никаких эмоций не отразилось на его лице, когда он признался в этом.

- У меня нет твоего номера, - говорю я ему, наконец-то, заставляя его оторвать взгляд от моего телефона. – Что, если ты понадобишься мне, а я не смогу связаться с тобой?

- Я всегда буду на достаточном расстоянии от тебя, что ты можешь просто позвать меня по имени, и я услышу тебя.

- Но что, если я захочу сказать тебе то, что не хочу, чтобы слышали остальные, - я подсаживаюсь немного ближе к нему. Он снова смотрит на мой телефон, и я вижу, как он вбивает в него свой номер.

- Ты можешь звонить мне в любое время, - говорит он, протягивая мне телефон обратно. Я убираю его в сумку и открываю контейнер с ланчом.

- Ты отследишь меня по телефону? – спрашиваю я.

Не знаю, зачем спрашиваю, потому что уже знаю ответ. Но по какой-то причине, хочу услышать, что он отследит. Похоже, я выжила из ума. Теперь мне хочется того, что сводило меня с ума несколько дней назад.

- Да, - подтверждает он, но, похоже, ему не нравится собственный

ответ. – Мне не нравится отслеживание мобильников. Я не считаю, что это срабатывает так же хорошо, как все остальное.

Я распаковываю свой сэндвич и пытаюсь протянуть ему половину, но он качает головой.

- Но его сделала я. Тебе не понравился завтрак?

- Это была самая замечательная еда, которую я пробовал в жизни. Но я не стану есть твой обед. Тебе нужно самой съесть его.

Мне нравится его милый ответ, и я даже ощущаю небольшой румянец от того, что ему нравится, как я готовлю.

- Ну, пожалуйста. Всего лишь половину сэндвича, - я немного надуваю губы, что срабатывает с моей семьей, и замечаю, как на секунду распахиваются его глаза.

- Если ты этого хочешь, - говорит он перед тем, как забрать у меня сэндвич.

Я открываю контейнер со свежими яблоками и карамелью и ставлю между нами.

- Как еще можно отследить меня?

Его половина сэндвича застывает на полпути ко рту.

- Ты позволишь мне? – его взгляд слегка вспыхивает, как будто он в восторге от этой идеи.

- Я и не отказывалась, - говорю ему я, кусая свою половину сэндвича.

Он делает то же самое, а я слежу за работой его мыслей, как будто он что-то просчитывает наперед.

Я смотрю, как он ест, не в состоянии отвести взгляд от татуировок на его руках. Я протягиваю руку, чтобы прикоснуться к одной, пока не передумала. Он замирает от моего прикосновения к его обнаженной коже и вздрагивает, как будто ему причинили боль.

- Тебя это беспокоит? – спрашиваю я, прослеживая пальчиком одну из татуировок на его руке. Он выглядит так, будто подбирает ответ, или, может

быть, не хочет отвечать. – Ты вздрогнул, - произношу я, подталкивая его.

- Я привык к боли, когда ко мне кто-нибудь прикасается, - и вот опять, он произносит это так легко, будто это не такое уж и большое дело. И тогда я понимаю, что жизнь Ивана гораздо мрачнее, чем я считала возможным, и от этого мне хочется прикасаться к нему больше, подсесть ближе, показать ему, что это не так и что существует нежность в этом мире. Если спросите мою семью, они скажут, что я воплощение этого.

- Я никогда не сделаю тебе больно, - произношу я.

- Я думаю, ты можешь принести мне больше боли, чем могли все остальные.

Мои глаза взметаются к нему, и мы пристально смотрим друг на друга. Я чувствую теплый ветерок на своих щеках и солнце, сияющее между нами. Его отчаянный, темный взгляд резко контрастирует с тем, что творится у меня в душе. Мне кажется, словно я оживаю.

- Люди смотрят. Они считают, что тебе не место рядом со мной, - шепчет он.

Я осматриваю школьный двор и замечаю, что он прав. Люди смотрят на нас, но они должны понимать, что ему позволено находиться здесь. Никто не попадает на территорию школы, не пройдя надлежащего протокола.

- Пора возвращаться на занятия, *красавица*. Я буду ждать тебя до конца занятий.

Глава 6

Иван

Уже больше трех утра, а я не могу заснуть. Хотя для моего организма это привычно. Обычно мне хватает пары часов, и я готов к действиям. Но я не могу притвориться, что причина, по которой я не смыкаю глаз, это не зеленоглазая красотка, которая спит недалеко от меня.

Провожу большим пальцем по экрану телефона и вновь пересматриваю сообщения, которые она мне прислала.

Когда я привез ее домой после школы, сестра уже дожидалась ее дома. Мы с Пандорой не разговаривали, но я заметил, как она смотрит на меня. Она умная девушка и отлично знает своего близнеца. Я сохранял дистанцию и не общался с Пенелопой весь вечер. Я вышел на улицу и наблюдал за ней только издалека, пока не вернулись домой Пейдж и Райан. После я ушел в свой гостевой дом и прозанимался там в тренажерке.

Около одиннадцати я получил первое сообщение.

Пенелопа: Ты еще не спишь?

Я: Нет.

Пенелопа: Ты не попрощался.

Я: Я проследил, чтобы ты оставалась в безопасности.

Пенелопа: Это не одно и то же.

Я: В следующий раз буду прощаться.

Пенелопа: Вы очень любезны. ;)

Я: Я бы согласился на все ради тебя.

Пенелопа: Пришли мне свою фотографию.

Я: Почти на все.

Я улыбаюсь словам, зная, что они пришли от нее.

Поднимаюсь с постели и снова ухожу вглубь коридора к тренажерному залу. Если не смогу успокоить мысли в голове, то хотя бы поработаю над усовершенствованием тела. Это помещение, наверное, занимает пространство двух спален, и убранная смежная стена создает большее пространство для тренировок. В панорамных окнах, растянувшихся во всю длину, открывается вид на сад, который разделял мой гостевой дом от главного. Прямо сейчас он купается в лунном свете, и хотя это должно казаться зловещим, выглядит умиротворенно.

Я не стал включать верхний свет. Вместо этого позволяю сиянию луны отбрасывать тени на полу, пока иду босиком к турнику. На мне только черные боксеры, но больше ничего и не нужно для того, чем я планирую заняться.

Подхожу к длинной, стальной перекладине и подпрыгиваю, вцепляясь в нее обеими руками. Мои ноги, может быть, в нескольких сантиметрах от пола, а я сам вишу в метре от окна. Расставляю руки шире, для большей тренировки мышц спины и плеч. Начинаю поднимать свое тело вверх, жжение от груди до пресса усиливается. Отсчитываю до двадцатого раза и ощущаю пот, стекающий вниз по позвоночнику. Я должен остановиться, но продолжаю подниматься, стремясь к тому, чтобы образ этих зеленых глаз перестал преследовать меня. Крепко стискиваю зубы и рычу, бросая взгляд на деревья за окном.

Я замираю на полпути следующего подъема, когда замечаю мимолетное движение. Отпускаю перекладину и приземляюсь на ноги, снова присматриваясь, чтобы выяснить, что это было. Возможно, это животное или просто игра света, но я могу поклясться, что видел вспышку рыжего.

Мое тяжелое дыхание затуманивает обзор, когда я приближаюсь к стеклу. Я жду несколько минут, прежде чем конденсат сходит со стекла, и замечаю ее. Она сидит у кромки деревьев, которые разделяют дворы на небольшом фонтане. Ее темно-рыжие волосы волнами спадают на спину, а голое плечо сияет в лунном свете. На ней шорты и майка, а ее длинные сливочно-белые ноги подоткнуты под нее. Я вижу кончики ее нежных пальцев и облизываю губы.

Ноющая боль глубоко внутри меня жаждет поцеловать их, зацеловать все изгибы ее маленького тела и приласкать все тайные местечки, скрытые под ее одеждой. Я никогда не хотел чего-то такого невинного для себя. До Пенелопы я бы не осмелился испортить что-то настолько совершенное и чистое, но мое желание к ней перевешивает любые остатки честности.

Я прижимаю руки к прохладному стеклу и шепчу единственное имя, которым должны ее называть. *Красавица*. И как будто слышит меня, она поворачивает голову и ищет взглядом меня. У нее нет возможности разглядеть меня в темноте, но я всем сердцем надеюсь, что именно этим она и занята.

Мгновение спустя она отворачивается, и мне ужасно хочется, чтобы она снова посмотрела на меня. Я хочу упасть на колени и умолять ее не сводить с меня глаз целую вечность. Я не должен хотеть ее, не должен чувствовать боль в груди при одной лишь только мысли о ней. Но я теряю контроль, когда дело касается нее, и ничего не могу поделать с собой.

Разворачиваюсь и ухожу к себе в комнату, захватывая по пути футболку и свободные шорты. Хлопок липнет к моему телу, впитывая пот, но у меня нет времени, чтобы раздумывать об этом. Я тороплюсь из-за мыслей, что если она всего лишь сон, то в любой момент может исчезнуть, и я останусь с дырой в груди – местом, которое только она сможет заполнить.

К тому времени, как я выхожу на улицу, мои ноги мокнут от влажной травы. И только тогда я замечаю, что забыл обувь. Я не задумываюсь над тем, чтобы вернуться и взять ее, огибаю дом в сторону фонтана, переживая, сидит ли она там еще или нет. Мое желание исполняется. Она все там. Мягкий лунный свет на ее теле только лишь подчеркивает ее красоту.

- Уже поздно, - произношу я, нарушая тишину ночи.

Она ахает и оборачивается, как будто шокирована тем, что я стою здесь.

- Что ты здесь делаешь?

Ее слова не грубые, но все равно ранят меня. Разве она не хочет, чтобы я находился рядом?

Возможно, выйти на улицу, чтобы присоединиться к ней, было ошибкой, несмотря на то, что все мои инстинкты требовали идти к ней.

- Извини, - она качает головой, как будто догадывается, о чем я думаю, и старается смягчить свои слова. – Я хотела спросить, как ты оказался здесь? Ты выглядишь так, будто только что встал с постели. Но при этом потный.

Ее взгляд блуждает от моей футболки до ног. Такое медленное изучение вызывает во мне желание напрячь грудь, чтобы впечатлить ее, как какому-то льву, который красуется перед своей парой. Я хочу, чтобы она испытывала желание, когда смотрит на меня.

Я замечаю неприкрытый намек на румянец, когда ее взгляд задерживается на мне, а затем она поднимает глаза, чтобы встретиться с моими.

Делаю несколько шагов ближе, подходя к фонтану, и сажусь на край рядом с ней. Не достаточно близко для прикосновения, но достаточно, чтобы в груди перестало болеть.

- Твои родители настояли, чтобы я жил в гостевом доме. По крайней мере, до конца учебного года.

- Ох.

Она поворачивает голову в сторону дома и смотрит именно на то место, где я стоял до этого, и я замечаю, как она прищуривается. Она обратно переводит на меня взгляд, но больше ничего не говорит.

- Разве тебе спать не нужно? – спрашиваю я и вижу, как небольшая улыбочка растягивает ее губы.

- Я не могу, – она пожимает плечами. – Слишком много мыслей в голове, - и до того, как я успеваю спросить «каких», она задает мне тот же вопрос. – А ты почему не спишь? Разве тебе не нужно спать?

- Я мало сплю, - протягиваю руку, пробегая пальцами по прохладной воде фонтана. – Я тренировался и заметил тебя.

Когда я снова смотрю на нее, то замечаю, как она облизывает нижнюю губу и прикусывает ее, перед тем, как кивнуть. Боль возвращается

снова, но на этот раз пониже груди. Гораздо ниже.

- Ты не прислал мне снимок, - ее игривая улыбка разгоняет мою кровь, и я хочу наделать ей тысячи фотографий, сколько угодно, чтобы сохранить это же выражение на ее лице. – Может, мне стоит сделать ее сейчас.

- Слишком темно, - я оглядываюсь по сторонам, пытаясь отыскать способ взять под контроль свое тело.

Я замечаю телефон рядом с ней и отслеживаю, как она поднимает его, направляя на меня. Но я не смотрю в камеру. Я смотрю только на нее. На ее длинные, рыжие волосы, перекинутые на одно плечо, линию челюсти и высокие скулы. Она красивее любой картины, которую я видел за свою жизнь, и я могу смотреть на нее до бесконечности.

- Ну, вот и все. Теперь я могу добавить твоё лицо в свои контакты. Я ненавижу смотреть на маленький пузырь вместо лица.

- Пузырь? – спрашиваю я, растерявшись от ее заявления.

- Да, вот.

Она придвигается, и половина ее тела крепко прижимается ко мне. Если я обниму ее одной рукой, она окажется окутанной мной, моим запахом. Что-то первобытное в моей душе жаждет этого, хочет потеряться моим телом об нее, таким образом, чтобы заклеймить ее, как свою. Мне нужно сильно зажмуриться, чтобы взять себя в руки.

- Видишь, у всех контактов есть картинки, а раньше, у твоего был просто маленький, белый пузырь. А теперь вот. Ну, темный ты, но все равно. Получилось.

- Тебе опасно находиться здесь одной, красавица, - слова вылетают из моего рта до того, как я успеваю их остановить. Но от этого они не становятся менее правдивыми.

- Почему? Наш двор небезопасен? – она скептически оглядывается по сторонам, а потом снова смотрит на меня.

Не знаю, как сообщить ей, что именно я – угроза. Что все в ней влечет меня, и я не знаю, как долго смогу себя сдерживать. Возрастает

потребность в ней, я ощущаю, как напряжение вокруг меня нарастает. Единственный способ остановить это безумие – оттолкнуть ее от себя. Я должен положить конец улыбкам, которые она мне дарит. Я не хочу причинить ей боль, но знаю, что смогу словами.

- Ты молодая девушка, которой нечего делать так поздно на улице. Твои родители не одобрят этого, и как твой телохранитель, я требую, чтобы ты встала и вернулась в свою комнату, - поднимаюсь и отступаю от нее в сторону.

Той боли, которая вспыхивает в ее глазах, практически достаточно, чтобы сломать меня. Я открываю рот, чтобы взять все свои слова обратно, но она встает и создает еще большую дистанцию между нами.

- Тебя никто и не просил приходить сюда и указывать, что мне делать. Все было нормально, пока не появился ты.

- Взаимно, красавица.

Она стискивает челюсть, и я хочу провести по ней большим пальцем, чтобы ослабить боль, которую причинил, и объяснить, что так я только защищаю ее, защищаю нас обоих. Но не делаю ничего из этого. Вместо этого я остаюсь на месте, молча умоляя ее бежать от меня.

- Не называй меня так, - ее слова резкие, когда она разворачивается и уходит прочь. Но на полпути к дому, она оглядывается через плечо. Открывает рот, чтобы что-то сказать, но передумывает.

Я бы отдал все, что у меня есть, только чтобы исправить, что натворил сейчас. У меня больше денег, чем большинство людей могут мечтать, но для меня они ничего не значат. Единственное, что важно – это свет в глазах Пенелопы, и когда она уходила, я заметил, как он померк. Часть меня хотела этого, понимая, что это к лучшему. Но остальная часть кричит в агонии.

И пока я бреду от фонтана в свой гостевой дом, я думаю о выражении на ее лице. Свет в ее глазах, который я так люблю, потускнел, но не исчез. Это еще не конец. И когда ложусь спать и перечитываю нашу переписку, я точно знаю, что и я еще не закончил.

Глава 7

Пенелопа

- Что ты делаешь? – спрашивает Пандора, когда входит в свою комнату. Она бросает сумку на пол, и книги вываливаются из нее.

Я бегаю на ее беговой дорожке. Бег всегда простирает мне мозги, но сегодня, похоже, это не сработает. Дыра где-то в моем желудке и не собирается стягиваться. Я ощущаю себя сгустком нервной энергии и не знаю, что с этим делать. Я – та, кто всегда счастлив. Я никогда не позволяла ничему выбить меня из колеи. Но сегодняшний день отстой, и я больше не могу сохранять фальшивую улыбку на своем лице, с которой слоняюсь весь день. Я пыталась притвориться, что слова Ивана меня не задели и вести себя так, будто я не позволила какому-то мужчине с такой легкостью украсть мое сердце и разбить его.

- А на что похоже? – огрызаюсь я. Она приподнимает брови и вскидывает руки вверх, молчаливо спрашивая. Я знаю, о чем. Она любит бегать на тренажере, а я на улице. Но бег на улице означает, что я должна взять с собой охрану, а я изо всех сил старалась избегать Ивана весь день.

Когда он ждал меня сегодня, чтобы отвезти в школу, я не села на переднее сидение. Я сразу пошла назад, даже села за него, чтобы и возможности видеть его не иметь. Чтобы не плятиться на его татуировки и не отслеживать их взглядом. Чтобы не пытаться потянуться к нему и не прикоснуться. Я не проронила ни слова, когда проходила мимо него к зданию школы. Я продолжала молчать все время, что было не похоже на меня.

Но я выходила посмотреть, пришел ли он к скамейке во время ланча. Пришел. Так что я осталась внутри и пошла в столовую. Зачем он пришел к скамейке? Прошлой ночью он ясно дал понять, что ему лучше живется без меня и что все было нормально, пока не появилась я. Я думала, что нравлюсь ему. Чушь какая-то. Хуже всего, что по какой-то причине я считала, что этот мужчина никогда не обидит меня. Он – защитник, но сам принес мне эти страдания. Боль все так же остается сильной, без намека на ослабление.

Что-то тянуло меня к нему. Мне казалось, что я нужна ему. Я хотела, чтобы он нуждался во мне.

- Готова поговорить об этом? Вижу, что ты скинула свою фальшивую улыбку, - произносит Пандора, падая спиной на кровать, ясное дело, заметив мое сегодняшнее поведение, хотя ничего не говорила на этот счет до сих пор.

Я останавливаю беговую дорожку и спрыгиваю с нее. Пандора двигается на кровати, и я заваливаюсь рядом с ней. Ее рука скользит в мою.

- Я ему не нравлюсь.

- Чушь собачья. Ты всем нравишься. И иногда это немного раздражает.

Пандора – не самый общительный человек. Я прихожу куда-то и общаюсь со всеми. Она же избегает людей, как будто они чумные.

Перекатываюсь на бок и смотрю на нее.

- Как так случилось, что первый парень, которого я захотела...

Пандора выгибает бровь.

- Ладно-ладно, в смысле, *по-настоящему* захотела, больше, чем просто флирт в школе, даже не хочет находиться рядом со мной?

Наверное, это карма. Пандора постоянно шутила, что однажды кто-то разобьет мне сердце.

- Честно говоря, понятия не имею. И по нему ничего не понятно. Такое ощущение, что он только и делает, что хмурится. Но я нечасто находилась рядом с ним.

Я снова падаю на спину, поднимая глаза к потолку.

- Все это к лучшему, - она сжимает мою руку. – Пенелопа, этот мужчина мутный. Он явно прошел через ад. Я уверена, что, если он расскажет тебе об этом, ты будешь плакать и грустить несколько недель. Ты же такая мягкая, милая и принимаешь все близко к сердцу. Тебе нужен кто-то, кто сможет ответить тебе тем же.

- Недавно я прикоснулась к нему, и он вздрогнул. И он сказал, что знает только боль от прикосновений, - говорю я ей.

- Охренеть, - тихо бормочет она.

- Но родители не подпустили бы его к нам, если бы считали плохим, - не знаю почему, но я все еще чувствую необходимость защищать его, заступиться за него.

- Я и не говорю, что он плохой. Я говорю, что он сломлен, - она ударяет меня своим плечом. – В смысле, он и должен быть сломлен, потому что ни один мужчина не может устоять перед твоими чарами.

Не могу сдержать короткого смешка, который вырывается из меня.

- Мама с папой идут на свидание сегодня? – спрашиваю я.

Они всегда ходят на свидания по вечерам пятниц. Я никогда не готовлю в такие вечера. Мы с Пандорой просто перекусываем, вместо того чтобы готовить ужин.

- Угу, - подтверждает она.

Я сажусь, отпуская ее руку.

- Нет, - произносит она, еще до того как я успеваю подняться с кровати.

- Да, ладно тебе. Мне нужно вытащить себя из этой хандры, - а еще отвлечься от постоянной проверки своего телефона, в надежде, что он напишет мне. Попросит меня выйти во двор. Скажет, что совсем не имел в виду то, что сказал.

- Нет, - решительно заявляет она и не двигается с места.

Упираю руки в бедра и злобно смотрю на нее.

- У тебя два варианта.

- Твою мать, - бормочет она и садится.

Я хочу куда-нибудь пойти и чем-нибудь заняться, и, естественно, Иван мне рядом не нужен. И она знает это. Что означает, мы улизнем тайком. Она может пойти добровольно или нет. Но мы обе знаем, что она

не позволит уйти мне одной.

- Ладно, - она скатывается с кровати и поднимается на ноги. – В клуб? – спрашивает она, и я замечаю ухмылочку, растягивающую ее губы. Она притворяется, что ненавидит наши походы в клуб, но ей нравится, и мы уже давно не ходили никуда.

- Боже, сто лет там не были, - улыбаюсь я, чувствуя себя немного лучше.

Нам с Пандорой всегда нравилось танцевать. Не думаю, что мы в этом мастера, но нам нравится прыгать под музыку и подпевать так громко, насколько возможно, и ни одну не волнует, что мы выставляем себя идиотками.

- Супер, бегу собираться! – вскрикиваю я, взволнованно выбегая из ее комнаты.

- Увидимся через два часа, - буркает Пандора, вызывая у меня смех.

- Я быстро, клянусь. Уже десять, - кричу я из своей комнаты, распахивая дверцы шкафа.

Достаю серое платье, которое, знаю, идеально подойдет к моим волосам. Бросаю его на кровать, вылетаю из комнаты прямиком в мамины. Я взрываюсь от хохота, когда понимаю, что Пандора уже в мамином шкафу достает пару черных сапог.

- Мое, - она прижимает их к груди, как будто я стану отбирать их у нее.

- Вообще-то я пришла за этим, - я беру пару черных туфель со стразами на каблуках. В них будет не только удобно танцевать, но еще они идеально подойдут к моему платью.

Я разворачиваюсь, уносясь в свою комнату, и бросаю туфли рядом с платьем. Завязав волосы на макушке, я быстро принимаю душ и выбираюсь, второпях собираясь. Сбрасываю полотенце и распускаю волосы. Мне не нужно ничего с ними делать. Я наношу легкий макияж и, высокользнув из ванной, надеваю на себя комплект из лифчика без лямок и трусиков.

Пандора открывает дверь в мою комнату, прислоняясь к косяку, когда я натягиваю платье через голову и распрямляю его. Платье в греческом стиле, с завязками на одном плече и со складками на бедрах, но при этом идеально подчеркивает все мои изгибы. Когда надеваю обувь, я оборачиваюсь к Пандоре. Она одета как всегда. Кроме того, когда ей приходится носить школьную форму, она постоянно в черном. Черные сапоги, узкие штаны и обтягивающая футболка. Я знаю, что мы похожи, но мне всегда кажется, что черный совершенно не подходит мне. Но ей, клянусь, он только добавляет яркости ее глазам и волосам.

- Сексуально выглядишь, - говорю я ей. Она пожимает плечами, как будто ей все равно.

- Твое платье слишком короткое.

Я пожимаю плечами, так же как и она. Оно немного коротковато, но мне плевать. Я рассматриваю себя в зеркале, а Пандора встает рядом со мной.

- У нас ни за что не попросят документы, - говорю я, оглядываясь на нее для подтверждения.

- Давай я пойду первой, когда приедем.

- Уже что-то придумала? – спрашиваю я. У нее всегда есть клуб, в который она хочет пойти.

- Угу, - это все, что она произносит, вызывая у меня улыбку.

- Поехали.

Я достаю телефон и заказываю такси. Мы возвращаемся в комнату Пандоры и идем в ванную. Пандора открывает маленько оконце и легко выпрыгивает из него. Я же снимаю каблуки, бросаю их в окно, а потом поднимаюсь на подоконник. Она помогает мне спрыгнуть вниз, и такое чувство, что мы занимались этим сотни раз. Возможно, стоит.

Безбашенная Пандора выяснила, каким-то образом, как отключить сигнализацию на окне в ее ванной комнате некоторое время назад, и похоже никто не заметил этого. Мы пробираемся вдоль дома, торопимся, когда достигаем подъездной дорожки. Я достаю запасной ключ от ворот и

проводжу им, а затем мы с Пандорой беремся вместе и сдвигаем тяжелые ворота в сторону. Мы открываем их достаточно для того, чтобы проскользнуть в них, и снова закрываем. Мы спешим в конец улицы, где на углу дожидается наша машина.

Мы запрыгиваем внутрь, и я кричу водителю:

- Поехали, поехали, поехали!

Я веду себя так, будто кто-то действительно гонится за нами. Он срывается с места, шины визжат, заставляя нас снова взорваться от хохота.

- В «Sin», - Пандора диктует адрес нашего любимого клуба, а я откидываюсь на спинку сидения, расслабляясь.

Поездка до города не занимает много времени, и мы выбираемся из машины. Пандора цепляет мою руку, с важным видом направляясь в начало очереди. Она идет уверенно и целеустремленно. Вышибала у двери поднимает шнур и открывает нам дверь, впуская нас без комментариев.

- Как ты это делаешь? – шепчу я ей.

- Веди себя, будто владеешь этим клубом. Кроме того, близняшки принарядились для вечеринки? Нас всегда впустят.

Я закатываю глаза, но она, наверное, права. У мужчин жуткие фантазии насчет близняшек.

И пока мы пробираемся по длинному коридору, музыка становится все громче и громче. Мы не останавливаемся у столиков и даже к бару за напитком не подходим. Мы идем ровно в сторону танцпола. Это единственная причина, по которой мы здесь. Я позволяю грохочущим басам музыки захватить меня, но мысли все равно зациклены на том, чем может сейчас заниматься Иван.

Глава 8

Иван

Мне не нужно много времени, чтобы последовать за ней. Я следил за домом с того момента, как Пейдж написала мне, что они с Райаном едут на свидание. Она писала, что у Пандоры отключена сигнализация на окне ванной комнаты, так что если они задумают сбежать, именно этим путем они и воспользуются.

Когда я спросил, почему они не включили сигнализацию обратно, она ответила, что легче следить за одним окном, чем за всеми выходами из дома.

Я переоделся после тренировки в темно-серые брюки и рубашку на пуговицах. Я вышел за ворота и устроился в своем черном Porsche 911 в ожидании того, что произойдет дальше. Не прошло и двух часов, как я заметил девочек, пробирающихся через ворота и побежавших в конец улицы, к ждущему их такси. Я заметил, как смеялась Пенелопа, и в моей груди мгновенно разлилось тепло.

Пока я следил за расстоянии за ними, то размышлял о том, чем она так привлекает меня. Почти всю жизнь меня окружала грязь и темнота. Конечно, были случаи, когда я встречал добрых людей, но чаще всего оставался сам по себе. Я знал лишь полумрак и цеплялся за него. Но в ту секунду, как я встретил Пенелопу, я впервые увидел свет. Она была не только чиста и невинна. Ее душа была незапятнанной. И я понимал, глядя на нее, что никогда больше в своей жизни не встречу женщины, которая получится такой любовью.

Я никогда не видел таких глаз, как у нее, смотрящих на меня в ответ. Они, как изумруды, сверкающие истиной, глядящие прямо в душу. Она даже не дрогнула от того, что нашла в ней. Она прикасалась ко мне, и мне показалось, что она произнесла заклинание. Тепло растекалось по всему моему телу, укрывая меня ее защитой.

Серьезно, именно я пытался уберечь ее от опасности? Как у нее получилось уничтожить меня и все равно вызывать ощущение, что именно она удерживает меня единственным целым? Это необъяснимо, но я хочу

цепляться за ее свет.

Я смотрю, как девушки входят в клуб без предъявления документов. Я паркуюсь у тротуара, бросаю ключи служащему и пишу ему банкноту.

- Не уезжай далеко, - произношу в его ухо, когда он опускает взгляд на сотню и кивает.

Вышибала впускает меня с той же любезностью, как и близняшок до этого. Я стараюсь не думать о том, сколько еще несовершеннолетних он впустил в клуб.

Музыка громкая и почти сразу оглушает меня. Я игнорирую это и сканирую толпу, сливаюсь с углами помещения. Я не хочу, чтобы она знала, что я здесь, но хочу убедиться, что она в полной безопасности.

Хватает секунды, чтобы заметить рыжие головы на танцполе. Он переполнен, но они танцуют вместе, и люди оставляют их в покое.

Я стискиваю зубы, когда толпа расступается достаточно, чтобы я заметил, что она нацепила. Ее платье настолько короткое, что почти обнажает нижний изгиб ее задницы. Я ухожу к бару, откуда открывается полный обзор, и заказываю выпить.

Она любит танцевать.

Ее маленькое, изящное тело движется в такт мрачных басов, и я опрокидываю в себя рюмку водки. Но жжение не приходит, когда жидкое тепло достигает моего языка и растворяется в горле. Я крепко сжимаю стакан потому, что не могу прикоснуться к тому, чего хочу.

К соблазнительному изгибу ее талии, переходящему в плавную линию бедер... Я, затаив дыхание, слежу, как они покачиваются из стороны в сторону. Из стороны в сторону. Ее тело подобно маятнику старинных часов, и я не могу отвести от него взгляд.

Музыка оглушительна, но если бы она просто прошептала мое имя, я бы оказался у ее ног, умоляя прикоснуться к недозволенному, попробовать то, что не принадлежит мне и провести ладонями по сладкой невинности, которая меня дразнит. Невинности, которую я не должен хотеть, но жажду. Чего-то такого чистого и нетронутого, как то, с чем мне не приходилось

сталкиваться в жизни.

Стукнув стопкой по барной стойке, я одновременно и разочарован, и испытываю облегчение из-за того, что он не разбился. Может быть, порез от стекла мог бы охладить чувства, которые пульсируют во мне, хотя сомневаюсь в этом. Только не с ней. Не уверен, что вообще что-то смогло бы. Я был бы рад боли, которая стала бы сильнее моего желания к ней. Ибо нет ничего сильнее, чем ее чары, под влияние которых я попал.

Меня наняли для ее защиты.

Но когда я отталкиваюсь от барной стойки и направляюсь в ее сторону, то не могу перестать думать, что, возможно, кому-то стоило бы защитить ее от меня.

Я замечаю, как Пандора отходит от нее, идет к другой стороне бара и берет бутылку воды. Она прислоняется к стойке, следя за своей сестрой, и переводит дыхание. Пенелопа все еще танцует, и я больше не могу выносить это расстояние.

Физическое расстояние между нами сейчас, и то, которое я установил прошлой ночью. Мне не понравилось то, как холодна она была со мной сегодня. Мне не хватало каждой ее частички, каждого ее взгляда. Я не мог позволить ей забрать это у меня.

Я замечаю лицо Пандоры, когда та находит меня и понимает, что они попались. Но к ее чести она только пожимает плечами и кивает в сторону Пенелопы. Как будто она виновата в том, что они здесь.

Пенелопа танцует спиной ко мне, пока я пробираюсь через танцпол. Я не знаю песни, которая играет, но она медленная, и ее тело извивается в такт.

Я должен подхватить ее и утащить отсюда. Я должен вернуть ее домой и объяснить, что это не очень умно и не безопасно. Я должен сделать хоть что-то, а не скользить ладонями по ее бедрам. Именно чем я сейчас и занят.

Она напрягается, когда я прижимаю ее спину к своей груди.

Я подстраиваю ее тело под себя и прижимаюсь губами к ее ушку:

- Это я, красавица.

Она снова замирает, но я провожу руками по ее бедрам и начинаю двигаться. Не думаю, что она хочет танцевать со мной, но не может остановить себя. Она слишком сильно любит это.

Я ощущаю энергию, затапливающую ее, и она передается мне. Музыка мрачная, в словах говорится о бриллиантах. Мне хочется раздеть Пенелопу и усыпать ее ими. Ее кожи должно касаться только нечто стоящее. Не я. Не мои руки. Но как бы эгоистично это ни было, я не убираю их от нее.

Ее обнаженное плечо и шея так близко, что я могу рассмотреть легкое сияние пота на них. Я наклоняюсь ниже и ощущаю запах лаванды, смешанный с ее телом. Мне приходится собрать все свои силы, чтобы не наклониться еще ниже и не попробовать.

Вместо этого я ласкаю ее теплые изгибы, поддаваясь зверю внутри меня и забирая то, что хочу, не задумываясь о последствиях. Я, как животное, когда сталкиваюсь с ее деликатной мягкостью, и она прижимается спиной ко мне. Она трется округлостями своей попки по моему изнывающему члену, и я стону в ее ухо. Она вздрагивает, а я опускаюсь губами ниже, прижимаясь к ее шее. Я не могу остановиться, и не уверен, что попытаюсь снова.

Я прокладываю дорожку по ее плечу, а затем поднимаюсь обратно, облизывая раковину ее ушка. Я потерял контроль, но это кажется правильным. Мы оба ушли с головой в этот момент, и я не хочу, чтобы это заканчивалось.

Я смотрю на нее сверху-вниз, и она поворачивается в моих руках. Ее ладони прижимаются к моей груди, и я чувствую, как нижняя часть ее тела прижимается ближе ко мне, ближе к моему стояку. Она облизывает губы и приподнимает голову.

- Поцелуй меня.

Она шепчет эти слова, и они отражаются эхом в моих ушах. Я должен остановиться и задуматься о том, что она просит и откуда она знает русский. Но ничего из этого не важно. Я просто даю ей то, о чем она просит.

Наклонившись ниже, я опускаю ладонь на ее шею и ощущаю под ней биение пульса. Ее глаза широко распахнуты, но в них нет страха. Только страсть и желание, которое соответствует моим собственным. Она закрывает глаза, когда я прижимаюсь своими губами к ней, но свои я не закрываю. Я хочу следить за ее реакцией на меня.

Я знаю, что не смогу отпустить ее и не захочу уходить сам. Я совершил плохие вещи в своей жизни и не заслуживаю ее. Но и поступить благородно не могу, когда дело касается Пенелопы. Я никогда не был благородным и даже начинать не стану.

Когда ее язык проникает внутрь и касается моего, в тот момент я закрываю глаза. Тогда же меня швыряет в пропасть, и я начинаю падать.

Я могу только молиться, что когда приземлюсь, я все равно смогу поймать ее.

Глава 9

Пенелопа

Я растворяюсь в нем, позволив остальному миру исчезнуть. Меня не волнует, где я и что сейчас происходит вокруг. Весь гнев, который я испытывала к нему несколько минут назад, исчез. Я не могу злиться на него. В глубине души я понимаю, что он отталкивает меня, потому что что-то внутри него заставляет делать это. Чувство вины проносится по мне из-за того, что я не надавила в ответ. Я могла бороться упорнее за него, потому что, знаю, он этого достоин.

Его губы мягкие, мягче, чем я могла бы себе вообразить. Его язык движется медленно и сладко. Поцелуй не сравнится ни с чем, что я могла придумать себе, но для него он большее, чем может показаться на первый взгляд. Сейчас, единственное, что сковывает – его собственнические объятия.

Он слишком быстро отстраняется от меня и смотрит сверху-вниз. Его темный взгляд гораздо неистовее, чем прежде. Я не могу прочитать его. Слишком много пробивается наружу. Одержанность, желание, потребность, надежда.

- Ты здесь, - произношу я.

Часть меня надеялась, что он появится. Возможно, он заметил, как мы сбегали, и проследил за нами? Я облизываю губы в надежде, что все еще смогу ощутить его вкус. Я хочу большего. Я хочу, чтобы выражение, которым он смотрит на меня сейчас, никогда не сходило с его лица. Он смотрит на меня так, будто я для него целый мир.

- Прости, моя красавица. Я не хотел говорить того, что сказал, - он притягивает меня насколько возможно ближе, как будто боится, что убегу от него. Клянусь, я ощущаю дрожь в его руках.

- Ты не хотел говорить, что все было нормально, пока не появилась я в твоей жизни? – я пытаюсь поддразнить его, но слова выходят с примесью боли. Мне не нравится это, потому что я знаю, он знает о боли все, а я не хочу, чтобы она исходила от меня. По тому, как он ведет себя сейчас, я могу

сказать, что прошлой ночью он мне солгал. Я должна была заметить это и не игнорировать его целый день. Я должна дарить ему только доброту. Безразличие – совершенно не в моем духе.

- Мне так казалось, - он замолкает, проводя ладонью по моей обнаженной шее и плечу. – Но ты, Пенелопа, ты заставляешь меня чувствовать, - шепчет он в мое ухо. – Чувствовать нечто отличное от боли.

Он наклоняется, и мне кажется, что он собирается поцеловать меня снова. Вместо этого он прижимается губами к моей шее. Его теплое дыхание касается меня, и создается впечатление, что он дышит мной. Он ведет носом вдоль моей ключицы, вверх к моему уху. Мои глаза закрываются от желания только чувствовать его прикосновения, только чувствовать его и ничего больше. Что он творит со мной? Я не понимаю, как мужчина, с которым я познакомилась всего несколько дней назад, смог поглотить меня так быстро.

Но это есть, и я не хочу упускать этого. Я хочу вцепиться мертввой хваткой в это.

Ты нужна ему, повторяет голос в моей голове.

Сейчас я сама притягиваю его ближе. Кажется, Пандора была права. Иван – это тьма, но я знаю, что могу стать его светом. Я чувствую это. Я – его вторая половина.

- Вы закончили? – слышу, как кричит Пандора рядом с нами, убеждаясь, что мы слышим ее сквозь музыку. Момент сорван, и я оглядываюсь на нее.

Иван не выпускает меня из своих объятий.

- *Нет*. Я никогда не закончу, - сейчас его русский акцент отчетливее, насыщеннее, чем раньше. Но он не смотрит в сторону Пандоры, когда говорит это. Он смотрит только на меня.

- Ну, круто, Большой, Мрачный и Татуированный Тип, но мы уже уходим, - заявляет она. Она вцепляется в мою руку, чтобы утянуть с собой, но Иван по-прежнему не отпускает меня.

- *Красавица* хочет танцевать. Мы уйдем, когда ей надоест, - он,

наконец-то, переводит взгляд на Пандору, но потом снова возвращается ко мне. - *Красавица*, ты хочешь еще потанцевать?

- Твою мать, - слышу Пандору.

- Я хочу уйти, - отвечаю я, в надежде, что если мы уйдем, то сможем остаться с ним наедине. Я хочу вернуть его губы обратно на себя.

- Тогда пойдем, - его ладонь скользит в мою, и он уводит меня из клуба. Толпа расступается, чтобы освободить проход для нас. Вообще-то, для Ивана. Его большое тело целенаправленно движется сквозь людей.

- Я вызову такси, - предлагает Пандора.

- Я сам отвезу вас домой.

Пандора пытается поспорить с ним, но Иван возражает ей:

- Я ее телохранитель.

- Ненадолго. Подожди, пока мама не узнает, что ты пытаешься присунуть моей сестре. Единственное, что тебе останется охранять – свои яйца.

Иван пожимает плечами, будто ему плевать на сохранность своих яиц.

- Моя сестра будет помалкивать, - рычу я на Пандору.

Я знаю, что она не станет трепаться, но она все равно злобно смотрит на меня в ответ. Ясное дело, ей не нравится то, что происходит.

Когда мы выходим на улицу, Иван подходит к парковщику и забирает свои ключи. Он продолжает держать меня за руку, пока мы идем к его Porsche. Он открывает пассажирскую дверь для меня и ждет.

Я оглядываюсь на Пандору, которая стоит, уперев руки в бедра.

- Я сяду тебе на колени, - предлагаю я.

Она шумно выдыхает и садится в машину. Я забираюсь вслед за ней, неловко устраиваясь на ее коленях. Иван закрывает дверь, затем огибает машину к водительской стороне. Я сдвигаюсь немного, так чтобы моя спина оказалась у двери.

Когда Иван устраивается на водительском сидении, он протягивает ремень безопасности через нас с сестрой и защелкивает его. Он поднимает руку, чтобы нежно коснуться моей щеки, прежде чем завести машину и съехать с обочины.

Мы едем в тишине, пока Пандора не нарушает ее.

- К черту, - наконец, произносит она, и я закатываю глаза. – Я просто скажу это.

М-да, можно подумать, она в состоянии держать язык за зубами, когда ей есть что сказать.

- Ты не подходишь ей. Я знаю, ты замечаешь это сам. Посмотри на нее. Она добрая и милая, и все в таком духе. Она – долбанное сердце нашей семьи. Черт, готова поспорить, что раньше ты убивал людей, - она выплевывает последнюю часть, и воздух в машине, как будто оживает.

Я вижу, как что-то мелькает на лице Ивана, и мне не нравится это. Я толкаю Пандору локтем прямо в ребра, а потом кладу ладонь поверх ладони Ивана, игнорируя поток проклятий от Пандоры. Он проводит большим пальцем по моему, довольный моим прикосновением. Его глаза следят за дорогой, но, господи, как же я жалею, что не могу сейчас их видеть. Интересно, как много людей так же быстро осуждали его? Разве они не видели, что за человек скрывается под всеми этими татуировками и шрамами?

- Ты слышал ее? – спрашиваю я. Наклоняясь ближе к нему, я продолжаю. – Она пытается донести до тебя все причины, по которым мы не можем быть вместе. Мне плевать на них. А тебе? – я протягиваю руку и тыльной стороной ладони провожу по щетине на его лице. Я знаю, что если мы захотим по-настоящему быть вместе, моя сестра станет наименьшей из наших бед.

- Если ты захочешь меня, *красавица*, я навсегда буду твоим, - отвечает он вот так просто, как будто я имею права на него. Он вжимается в мое прикосновение.

- Я хочу, - отвечаю я. – Всего тебя, - я замечаю, как напряжение покидает его тело. Улыбаюсь ему, и в первый раз в жизни меня бесит моя сестра.

- Может, в «Taco Bell»? – предлагает Пандора.

Я стискиваю зубы.

- Ты голодна? – спрашивает Иван, бросая на меня взгляд.

- Я всегда голодна, - тянет Пандора, будто он разговаривает с ней.

- *Красавица?* – спрашивает он, игнорируя ее.

- Я хочу домой. С тобой, - добавляю я последнюю часть, потому что не хочу его запутать. Мне нужно побывать с ним наедине.

Пандора фыркает, и в салоне снова повисает тишина. Я кладу ладонь поверх руки Ивана, пока он везет нас домой. Он подъезжает к воротам и вводит код.

Он довозит нас до главного входа, и я выпрыгиваю из машины, а следом – Пандора.

- Я с тобой, Иван, - произношу я, когда он выбирается из машины. Я хватаю Пандору за руку и тяну ее в сторону дома. – Только на минутку отойду с сестрой, - кричу через плечо.

Я останавливаюсь, когда мы добираемся до окна ее ванной.

- Прости, - произносит она до того, как я успеваю наорать на нее. – Я просто беспокоюсь о тебе. Не злись на меня, - она убирает прядь моих волос за ухо. – Давай не будем ссориться. Похоже, я ошибалась на его счет, - добавляет она, заставая меня врасплох. – Я видела его лицо, когда он говорил все те слова в машине. Он...

- Не надо, - перебиваю ее. Я не хочу слышать о том, как он сломлен и так далее. Это только между нами с Иваном. Я чувствую себя такой защищенной рядом с ним. Я не хочу, чтобы про него думали как-то иначе.

- Ты уже зашла слишком далеко, - она изучает мое лицо. – Я помню о том, что мы постоянно шутим о твоей заботе о нас. Ты сама доброта, но никто не выходит из себя настолько, как ты, когда проходятся по тем, кого ты любишь, - она наклоняется и целует меня в щеку. – Я буду спать сегодня у тебя, так что когда родители вернутся, они решат, что мы обе дома, - произносит она перед тем, как открыть окно и забраться внутрь. – Будь

осторожна. Я не хочу потом убивать его, - добавляет она и захлопывает окно.

Я задумываюсь над тем, как взбесилась, когда она сказала обидные вещи про Ивана. Это еще больше заставляет меня поверить, что он создан для меня.

Мне не нужно оборачиваться, чтобы понять, что он стоит за моей спиной. У меня такое ощущение, что он будет там всегда.

Глава 10

Иван

- Я пробиралась сюда, когда была маленькой, но здесь был только тренажерный зал в свое время, так что место не было сильно привлекательным.

Пенелопа берет меня за руку и ведет вглубь коридора, где находится моя спальня. Я должен остановить ее, увести обратно в гостиную, но я пойду в любое место, куда она поведет меня.

- Тогда откуда ты знаешь, где я сплю? – спрашиваю я, закрывая дверь спальни за нами.

- Методом исключения, - она оглядывается на меня поверх своего плеча, выскользывая из туфель и забираясь на кровать. – Здесь два этажа, и только по одной спальне на каждом. Ты остановился внизу либо, чтобы быть поближе к кухне, либо ко мне.

- К тебе, - признаюсь я, не стесняясь своих чувств. – Я не могу думать о чем-то еще, кроме тебя. Я предан твоей семье, и, несмотря на то, что могу стать врагом для твоих родителей, я понял в ту же секунду, как увидел тебя, что положу к твоим ногам весь мир.

- Кажется, это называется любовью с первого взгляда, - произносит она, отползая к середине кровати.

Я подхожу к столу и нажимаю на воспроизведение музыки. Спокойная мелодия заполняет комнату из спрятанных динамиков, и я подхожу к кровати.

- Мне плевать, как это называют остальные, - сбрасываю обувь и расстегиваю рубашку, приоткрывая ее так, что видно мою бледную кожу и татуировки на ней. – Я знаю лишь, что никогда не испытывал такого чувства, как любовь, а то чувство, что я испытываю к тебе, не сравнится ни с чем. Моя душа переплелась с твоей с нашего первого прикосновения. Если это любовь, значит, я люблю тебя, Пенелопа. Но ощущения намного сильнее. Сильнее одного лишь слова.

Она укладывается на спину, когда я нависаю над ней, ее ладони прижимаются к моей обнаженной груди. Ее пальцы зарываются под ткань рубашки и разглаживают дорожку вниз по моей спине, а затем поднимаются обратно. Ее ногти оставляют за собой дорожки.

- Ты займешься со мной любовью? – ее взгляд умоляет, а руки смещаются на мои плечи и шею.

- Да. Но сначала доставлю тебе удовольствие, - отвечаю я, наклоняясь ниже и мягко целуя ее.

Она развязывает резинку на боку своего платья и стягивает его вниз. Я помогаю ей спустить его с тела, пока она не остается лежать подо мной в одних трусиках и лифчике. Ее бюстгальтер без лямочек, так что я приобнимаю ее, чтобы расстегнуть и снять материал с ее груди.

Когда она остается обнаженной, я оставлю поцелуй между округостей. Я провожу носом вдоль мягких изгибов ее груди, а затем нежно целую их, прежде чем обхватить губами один сосок. Я аккуратно посасываю его, не желая причинять ей боль. Единственное мое желание – дарить ей то же удовольствие, что она уже подарила мне. Дары ее любви и тела – уже больше, чем мужчина, подобный мне, заслуживает. Я посвящу остаток жизни тому, чтобы поддерживать баланс; ради нее перевешу все, что смогу в тысячекратном размере.

Она стягивает мою рубашку, требуя большего. Я снимаю свою одежду, оставаясь только в белье, не в состоянии противиться любому из ее требований.

- Цветочек, между твоих ножек уже был мужчина? – спрашиваю я, целуя ее ступни и продвигаясь ладонями к ее трусикам.

- Нет. Я только целовалась.

Румянец показывает ее истинную невинность, и мой член становится только тверже. Как я могу забрать эту красоту себе и лишить ее других мужчин до конца жизни? Я повторяю себе, что ни один мужчина не будет любить ее так же, как я. Ни один мужчина не воплотит ее мечты в жизнь так, как могу я. Она больше никого не захочет, когда испытает удовольствие, которое подарю ее телу я.

- И если мы займемся любовью, ты забеременеешь моим ребенком? – я целую ее ниже пупка, прямо на границе ее трусиков. Я вглядываюсь в ее зеленые глаза, пока спускаю их по бедрам, обнажая ее нетронутую киску.

- Боже мой, - всхлипывает она, когда мой рот опускается ниже, прямо к ее сладкой щелке. – Эм, я ничего не принимаю. Ты сможешь вытащить?

- Да, моя милая красавица. И куда ты позволишь мне выплеснуть свое семя? – я аккуратно развожу ее ноги в стороны, открывая ее губки и замечая ее нектар.

- Где хочешь, - стонет она, когда я целую ее самое интимное место.

Я занимаюсь любовью с ее киской своими губами, пробуя самый сладкий нектар в жизни. Ее соки стекают мне в рот, и я выпиваю их досуха. Я нажимаю двумя пальцами на ее узкий канал и ощущаю давление ее невинности, сжимающую их. Второй рукой пробираюсь себе в трусы к члену, проводя по нему с обещанием того, что последует дальше. Это единственный способ облегчить ту боль, которая становится невыносимой.

Когда ее тело напрягается, а ноги начинают ерзать, я понимаю, что она приближается к своей вершине.

- Перестань сопротивляться, моя красавица. Не противься тому, что я дарю твоему телу.

Я надавливаю пальцами на чувствительное местечко внутри нее, наслаждение от которого станет для нее самым большим. Затем я втягиеваю ее клитор и ожидаюсь, когда она сдастся. Я жду всего мгновение перед тем, как она больше не может сопротивляться тому, что происходит с ее телом. Но из-за этой борьбы, оргазм становится только слаше.

Ее нектар стекает на мой язык, и я стону вместе с ней. Она кричит громко и сильно вцепляется в меня. Моего имени на ее губах достаточно для меня. Теперь я не смогу остановиться и продержу ее так всю ночь только для своего удовольствия. Моя красавица, повторяющая мое имя, пока оргазм окутывает ее тело – райская картина для меня. Она дарит мне это незамедлительно, и я навсегда изменюсь после этого.

Я устраиваюсь щекой на ее бедре и закрываю глаза. Я хочу, чтобы это

воспоминание отпечаталось в моей голове, чтобы и в столетнем возрасте оно оставалось таким же совершенным.

- Черт возьми, - восклицает Пенелопа, и я открываю глаза, замечая ее улыбку.

- Тебе понравилось? – спрашиваю я, облизывая свои пальцы и поднимаясь к ней.

- Bay, - она закрывает глаза и коротко смеется. – Сможешь повторить?

- Сколько захочешь, моя *красавица*, - я заключаю ее в свои объятия и нежно целую.

Но она углубляет поцелуй. Ее язык встречается с моим, а между ними теплый и сладкий вкус ее киски. Ей очень хочется, а я не хочу торопить этот момент.

- У нас есть вечность, - шепчу я в ее губы и трусь своим носом об ее нос. – Не торопи меня.

Потянувшись вниз, я стягиваю свои боксеры, а затем провожу членом по ее влаге. Я не толкаюсь внутрь, только лишь лениво покрываю себя ее нектаром.

- Ты большой, - произносит она, ее глаза увеличиваются от неизвестности и восторга.

- Мы справимся, любовь моя. Ты маленькая, но я буду нежен.

- Я люблю тебя, Иван, - она касается моей щеки и улыбается так нежно в ответ.

- Мое сердце в твоих руках, *красавица*.

Я прижимаюсь головкой члена к ее входу и медленно толкаюсь внутрь. Ее тепло обволакивает меня, смыкаясь вокруг крупной головки. Когда я ощущаю ее напряжение, то провожу ладонями по ее груди и торчащим соскам. Я снова глубоко ее целую, призывая расслабиться, пока погружаюсь еще глубже.

Она больше не напрягается, но ощущение моего члена внутри ново и незнакомо для нее. Ее киска привыкает, и я стараюсь сделать это приятнее,

пока она узнает, как ощущаюсь я, когда мы занимаемся любовью.

Я даю ее нежной киске запомнить каждую мою выпуклость, чтобы в следующий раз она приняла меня с большим удовольствием. И как любящий, преданный мужчина, я буду ждать ее призыва.

Когда поцелуй становится таким потрясающим, что ей приходится перевести дыхание, я смещаюсь губами к ее шее и начинаю двигаться. Я зарываюсь в ее шею лицом, двигаясь медленными и протяжными толчками.

- Иван, - шепчет она, и это практически добивает меня.

Я вколачиваюсь жестче, позволяя ее ощутить мою силу. И сейчас я желаю не только ее тело, но и ее душу. Сила возрастает между нами, и ее душа теперь принадлежит мне.

- Милая *красавица*, моя любовь, - я отчаянно целую ее, запечатывая этот момент в памяти. Моя одержимость ею не пройдет так легко. Это моя торжественная клятва – стать ее защитником. Рыцарем в сияющих доспехах, о котором мечтает ее маленькое сердечко.

Я опускаю ладонь на ее киску, чтобы подразнить ее крошечный клитор. Подношу большой палец обратно к своим губам и облизываю его, а потом возвращаю его туда, где ей больше всего нужно. Я хочу чувствовать вкус ее невинности, пока она кончает на мне.

Я вижу, как румянец расцветает на ее груди и движется вверх к шее. Ее глаза крепко зажмурены, а голова запрокинута назад, когда она в очередной раз перестает сопротивляться. Она поддается моим действиям и падает за грань, прямиком в рай. Блестящий пот увлажняет ее тело, и мы скользим друг по другу. Ее оргазм – самое красивое зрелище, которое я видел в жизни, такой несдержанный и искренний. Нет никаких ограничений, когда она позволяет себе этот момент.

Мне требуется вся сила воли, чтобы не выплеснуть сперму прямиком в ее тепло. Это было бы так просто, но я всегда буду делать то, что просит моя *красавица*.

Вытащив свой покрытый соками член, я сажусь и поглаживаю его, внимательно рассматривая ее наготу. Ее идеальную кожу, порозовевшую от наслаждения, ее округлую грудь с твердыми сосками, просто молящими о

большем внимании.

Ее глаза распахиваются сильнее, пока она следит за мной, а затем подносит собственную руку к моей. Ее нежные пальцы переплетаются с моими, и мы вместе начинаем ласкать мой член. Она облизывает свои губы, и я хочу кончить на них, покрыть эти припухшие лепестки своим семенем.

Но одного вида ее, лежащей на спине с широко разведенными ногами, раскрытой для меня – слишком много. Вместо этого я выбираю пометить ее тело, дать ей увидеть, как я кончаю на нее.

Она ласкает меня до освобождения, пока густые струи моей любви к ней не приземляются на ее бледную кожу. С каждым толчком выходит все больше спермы, и я опускаю руку, чтобы втереть ее. Сантиметры непомеченного совершенства теперь гордо красуются моей собственной меткой. Я никогда в жизни не испытывал такой глубокой преданности.

Я практически ваюсь сверху на нее и чувствую, как тепло размазывается между нами. Такое ощущение, что сейчас весь мир в моих руках.

- Кажется, я не могу дышать, - произносит она и обнимает крепче.

- Любовь между нами очень сильна. Но не волнуйся, моя милая красавица. Я буду нести ее за нас двоих.

Глава 11

Пенелопа

Я валяюсь на спине в центре кровати Ивана, все еще голая, после того как мы занимались любовью. Такое ощущение, что все мое тело до сих пор покалывает. Он уткнулся лицом в мой живот и обнимает так крепко, что я удивлена тем фактом, что могу дышать. Он держит меня очень крепко, но мне нравится.

Я пропускаю его короткие волосы сквозь пальцы, рассматривая его спину и татуировки на ней. Интересно, что они означают. Я знаю всего лишь несколько слов по-русски из небольшого количества прочитанного.

- Иван, у тебя есть семья на родине?

- У меня только ты, *красавица*, - произносит он, касаясь губами моего живота. Короткая щетина на его лице колит мою кожу. – Ты такая мягкая, - произносит он перед очередным поцелуем. Он не может перестать прикасаться ко мне. Каждая ласка задерживается настолько, как будто он не хочет отпускать меня, как будто я самое ценное, что он держал в своих руках.

Я всегда чувствовала любовь своей семьи. Их любовь никогда не подвергалась сомнениям. Но я всегда была той, кто обо всех заботиться. Даже, если меня не просят об этом, просто такая я. Ничего не могу поделать с собой, и знаю, что они ценят это. Но с Иваном, мне кажется, забота будет совершенно иного рода.

Он говорит нежности, от которых мне хочется и улыбнуться, и заплакать. У него никого нет. Это вызывает во мне желание оберегать семью еще больше. Я не могу представить свою жизнь без них. Даже попытаться представить картинку одинокого детства – просто невозможно. Возможно, именно поэтому он оттолкнул меня вчера. Он не привык к чьему-то присутствию. Он не знает, как себя вести. Но, думаю, до него видимо что-то дошло, если объятия, в которых он меня удерживает сейчас, говорят о чем-то вообще.

- Иван, - я немножко ерзаю под ним. Его темные глаза поднимаются к

моим. Он поднимает голову с моего живота, когда замечает слезы в моих глазах.

- Почему ты плачешь? – беспокойство накрывает черты его лица, когда он подтягивается ближе ко мне. Его глаза изучают мое лицо, и напряжением сковывает все его мышцы из-за моего несчастья. – Я обидел тебя чем-то?

- Я плачу из-за тебя, - отвечаю я, протягивая руку, чтобы прикоснуться к его лицу, думая о том, как жил этот мужчина в полном одиночестве, и что так никогда больше не будет.

- Не расстраивайся из-за меня, - улыбка освещает его лицо. – Сегодня самый счастливый день в моей жизни, - он наклоняется, захватывая мои губы медленным, глубоким и голодным поцелуем. Я пытаюсь обхватить его ногами, но он очень большой. Я ерзаю под ним, все еще ощущая отголоски нашей страсти. Его твердый член трется об меня, вынуждая застонать ему в рот. Я и не знала, что нечто подобное может быть реальным. Чувства, которые я испытываю, просто ошеломительные, и я думаю, мне понравится это состояние влюбленности.

Он отстраняется.

- Ты должна отдохнуть, - произносит он. Но я не хочу отдыхать. Очень скоро встанет солнце, и мне придется вернуться в собственную комнату. – Тебе больно?

- Все нормально, - признаюсь я. Остались лишь отголоски боли, но я могу отмахнуться от них, только чтобы заняться с ним любовью снова. – Я не хочу, чтобы эта ночь заканчивалась. Я не хочу возвращаться в свою комнату.

- Тебе не обязательно делать то, чего ты не хочешь, - он произносит это так легко, как будто нам не предстоят разборки с моими родителями. Он смахивает несколько завитков с моего лица.

- Мои родители, они...

- Ты совершеннолетняя. Если ты захочешь остаться рядом со мной, я обеспечу это, - он наклоняется, зарываясь лицом в мои волосы и шею, немного скатываясь вбок, и крепко обнимает меня, переплетая наши руки и

ноги. Он подтверждает свое мнение, что я никуда не уйду. – Ты же хочешь остаться со мной, да? – я чувствую, как он напрягается от собственного вопроса.

- Навсегда, - отвечаю я.

Он что-то бурчит на русском, но я не понимаю.

- Я всегда буду лучшим для тебя. Обещаю. Ты подаришь мне свое сердце, и я клянусь, что целью моей жизни станет твоё счастье.

- А ты? Разве целью моей жизни не должно стать и твоё счастье тоже?

- *Красавица*, - он опускает губы на мою шею и целует. – Если ты станешь моей, я всю жизнь буду счастливым. И еще мне кажется, что ты просто не замечаешь, что всех вокруг делаешь счастливыми. Ты святая женщина.

- Ты такой милый, - я поворачиваюсь на бок, хочу смотреть на него. Я подношу ладонь к его лицу. Возможно, мне необходимы прикосновения так же, как и ему. – Иван, ты расскажешь мне о себе? Мы, на самом деле, не очень много знаем друг о друге, - признаю я.

- Я знаю о тебе все.

- Еще бы, - можно было и не спрашивать. Скорее всего, родители рассказали ему обо мне, когда нанимали на работу. Он скользит одной рукой по моему бедру и неспешно поглаживает его туда и обратно.

- Расскажи, - настаиваю я.

- Я расскажу тебе все, о чем ты попросишь, моя *красавица*, но моя жизнь не красивая и приятная. В ней грязь, и я не хочу засорять твою голову подобными вещами.

- Ты поэтому оттолкнул меня вчера? Потому что... - мои слова обрываются. Господи, как же больно. Я не представляю, как кто-то может переносить такую боль.

- Ты слишком хороша для меня. Я боюсь, что... - он отводит глаза на секунду, как будто пытается правильно подобрать слова. – Я расскажу тебе все, если ты захочешь остаться со мной. Я сделаю это. Я боюсь, что если

позволю себе сильнее увлечься тобой, а ты не захочешь находиться рядом, я не смогу отпустить тебя.

- Может, я вообще не хочу, чтобы ты отпускал меня, - сознаюсь я. Что-то в его мрачных словах согревает меня. Мне нравится это. Я понимаю, что не должно. Они должны пугать меня, но это последнее, о чем я думаю. Его глаза заметно темнеют после моих слов.

- Не шевелись, - просит он, выскользывая из постели. Я сажусь и наблюдаю, как он уходит к комоду. Он открывает верхний ящик и что-то достает оттуда, а затем возвращается в постель. Я сижу, совершенно не беспокоясь о своей наготе при нем. Уж если на то пошло, он заставляет меня чувствовать себя самой красивой тем, как поклоняется моему телу.

Он опускает ожерелье через мою голову на шею. Цепочка простая, как та, что используют чаще всего для военных жетонов, но на ней висит толстое, черное кольцо.

- Ты говорила, что я могу следить за тобой, так ведь?

Я поднимаю кольцо и рассматриваю его. Ободок из черного металла, гладкий и широкий. Я пожимаю плечами.

- Меня не особенно волнует это.

Я вижу, как его омывает облегчением.

- Если от этого тебе.... – он перебивает меня, захватывая мой рот поцелуем. Я снова падаю на спину вместе с ним.

Он отстраняется.

- Я сделал его сам, но сделаю лучше специально для тебя, как только появится время.

- Оно идеальное, - отвечаю я. Единственное, которое он надел на меня. Единственное, которое я хочу носить.

- *Nem, красавица*, ты идеальная.

Глава 12

Иван

- Я хочу поговорить с тобой, - произношу я, коротко постучав в дверь кабинета.

Пейдж поднимает взгляд от своего компьютера и кивает.

- А я все гадала, когда же уже состоится этот разговор.

Ее всепонимающий взгляд сканирует пространство за моей спиной, но я качаю головой и закрываю дверь.

- Я хотел поговорить наедине.

- Полагаю, Пенни не знает о нашем разговоре со мной.

- Мимо матери ничего не пройдет, да? – я сажусь напротив нее.

- Только не мимо меня. И не тогда, когда дело касается моих малышек.

- Я люблю Пенелопу и хочу, чтобы она стала моей женой. У нас с тобой длинная история, и я не хочу ничего портить. Так что я пришел к тебе.

Она прищуривается и скрещивает руки.

- Ты пришел ко мне постфактум, Иван. Мы все знали, что произойдет, когда ты увидел ее.

Пейдж встает и отходит к окну. Оно выходит в сторону сада, который разделяет гостевой дом с этим. Она молчит довольно долго, и я не знаю, будет ли она продолжать разговор. Но все равно жду и, в конечном счете, она вздыхает.

- Ты такой же, как он, - она оборачивается, бросая на меня взгляд через плечо, а затем возвращает свое внимание обратно к окну. – Капитан обладал красивым лицом, за которым всегда мог спрятаться. Ее истинная тьма была скрыта. Но ты, Иван, твоя выставлена на показ всему миру.

Она подходит к семейному портрету на стене и разглядывает его, улыбаясь.

- Он родился в России. Ты знал? Мне кажется, если бы его не усыновили, он легко мог пойти по тому же пути, что и ты.

Я продолжаю молчать, позволяя Пейдж выговориться, выслушать все ее слова перед тем, как убедить ее, что я достаточно хорош для ее дочери. Когда ее взгляд снова возвращается ко мне, я замечаю неистовую защиту матери, оберегающей своих детей.

- Если бы я тебе не доверяла, то ты в первую очередь не стал бы ее охранять. Все только потому, что я знаю, глубоко в душе ты такой же замечательный, как и она. Она – свет нашей жизни. Пенелопа отличается от всех нас. Пандора такая же, как и мы с Капитаном. Она сильная, и я никогда не переживаю из-за нее. А у Пенелопы доброе сердце.

- Да. Она слишком хороша для меня, - соглашаюсь я.

- Пенелопа из тех женщин, которым нужен кто-то с достаточно сильными руками, чтобы пронести ее через всю жизнь. Мужчина достаточно надежный, чтобы их семья оставалась сплоченной.

Я киваю, совершенно спокойный, потому что я – именно такой мужчина. Я пришел в этот мир именно для того, о чем говорит Пейдж, чтобы беречь и защищать чистоту ее сердца.

- Ты никогда не отпустишь ее?

- Никогда, - резко отвечаю я.

- Я всегда хотела лучшего для своих дочерей. Я контролировала, чтобы у них было лучшее детство, лучшая жизнь, лучшее все, чем было у меня. Но я никогда не представляла любви лучше, чем у нас с Капитаном. Потому что не существует ничего лучшего, чем то, что есть между нами. Все, что мы делаем, что мы сделали – все для своих девочек.

- Ты права, - произношу я, усаживаясь прямее. – Я вижу вас, и, несомненно, то чувство между тобой и твоим мужем сейчас редкость. Две родственные души живут вместе. И именно так у нас с Пенелопой.

Пейдж смотрит на меня и кивает.

- Я люблю ее и буду любить до конца своей жизни и еще сотню лет после, - я поднимаюсь на ноги и подхожу к Пейдж. – Я бы хотел вашего с Райаном благословления, чтобы жениться на Пенелопе. Для нас и нашей любви это будет честью.

- Мне нужно поговорить с ним. Он воспримет это не очень, - она смеется и закрывает глаза, качая головой. – Но мое благословление у вас есть, Иван. Я знала, что она попалась еще с самого начала. И не могу сказать, что это у нее не от меня.

Пейдж пожимает плечами и снова переводит взгляд на семейный снимок.

- Только пообещай мне кое-что, ладно?

- Все что угодно, - я весь во внимании.

- Пообещай, что не увезешь ее от нас.

Мое сердце сковывает от боли на ее слова.

- Я люблю Пенелопу за то, что она полуденное солнце и первый весенний бутон. Она пахнет теплым печеньем и смеется, как ангел. Я никогда не сделаю ничего, чтобы это прекратилось. Я не хочу сажать ее в клетку и запирать ото всех. Ее семья – ее важная часть, то и так же важна для меня.

Пейдж кивает, и я замечаю еле уловимое облегчение в ее глазах.

- Я никогда бы не увез ее от вас. Я только лишь хочу стать частью того, что вы построили.

Пейдж протягивает руку и сжимает мое плечо, и если я не ошибаюсь, на ее глазах слегка выступают слезы.

- Я очень хорошо знаю это чувство.

Несколько часов спустя, когда я возвращаюсь в свой гостевой дом и забираюсь в постель, моя *красавица* еще спит. Я лежу и рассматриваю, как солнечный свет растекается по ее плечу. Простынь запуталась в районе талии, а бледная кожа сияет. Время идет, а я так и не отвожу от нее взгляд.

Я могу провести вечность только так и умереть счастливым человеком.

Когда она открывает глаза и улыбается мне, свет улавливает бриллиант на ее пальце, посылая радужные призмы по всей комнате.

Я купил его после разговора с Пейдж. Пятикардный розовый бриллиант огранки «Принцесса» окружен маленькими белыми камушками на платиновом ободке. Моя *красавица* заслуживает кольцо такое же красивое, как и она сама, и она всегда будет моей маленькой любовью.

- Иван, - произносит она с шокированным лицом.

- Ты выйдешь за меня?

- Да! – восклицает она, бросаясь на меня. Она посмеивается от восторга и заползает всем телом на меня, обнимая ногами и руками так крепко, как может.

Я смеюсь над ней и растираю ладонями ее спину. Мы лежим так очень долго, но и оставаться вечно в нашем пузыре не можем.

- Пандора, - произносит она, заглядывая мне в глаза.

Я понимающе киваю. Ей нужно поговорить со своей близняшкой.

Глава 13

Пенелопа

Я пробираюсь в свою комнату и вижу, что Пандора все еще спит в моей постели. Она может проспать вечность на выходных, если мы ей позволим. Чаще всего рычание ее желудка – единственная мотивация для нее подняться. Забравшись на кровать, я ложусь рядом с ней и провожу пальцем по ее носу. Она морщится и бьет по моей руке, от чего я хихикаю.

Я знала, что Пандора – первый человек, которому я захочу рассказать. Я понимаю, что уже скоро придется поговорить с папой и мамой. Мы с Пандорой делимся всем, и я надеюсь, что она будет счастлива за меня. Я хочу, чтобы она была в таком же восторге, что и я. Я снова провожу по ее носу пальцем.

- Лучше бы у тебя была еда, - ворчит она, снова ударяя по моей руке. Ее глаза распахиваются, когда ее ладонь задевает мое кольцо. Она перехватывает мою руку, рассматривая гигантский камень, который подарил мне Иван.

- Не тратите попусту время, Пенни? – я слышу в ее голосе смех. Доля напряжения, о которой я даже не знала, растворяется. – Оно прекрасно.

- Спасибо, - отвечаю я, чувствуя небольшое удушье. – Я понимаю, что некоторым это может показаться слишком быстрым.

- Быстро – мягко сказано, - она смеется. – Видимо в нашей семье только так и работает.

Мы обе улыбаемся этому. Папа постоянно рассказывает, как влюбился в маму с первого взгляда. Понял с первого же мгновения, что она станет его жизнью. И тогда он сделал все, что в его силах, чтобы она принадлежала ему.

- Я знала, что однажды наступит такой день, когда мы все разъедемся. Но думала, что у нас еще достаточно времени.

Я внимательно наблюдаю за ней, думая о том, что она больше не будет забираться ко мне в кровать каждую ночь. Не знаю, почему я не

задумывалась об этом раньше. Все между нами изменится.

- Ох, Пенни, не плачь. Я только хочу сказать, что буду скучать по тебе. Но пришло время для новой главы в нашей жизни. Я только лишь рада, что рядом с тобой кто-то есть в твоей новой главе

- А ты как? Ты хочешь кого-то? – спрашиваю я.

Что-то пересекает ее лицо, прежде чем исчезнуть.

- Только потому, что ты влюблена, не означает, что нужно приплеть сюда и меня. Думаю, я буду, как Генри, и исключу отношения.

Я закатываю глаза при упоминании о нашем кузене. Генри отрицает отношения. Он говорит, что не хочет быть настолько помешанным на любви, как его родители. Похоже, у наших отцов, у обоих есть склонность к сталкерству, когда дело касается их жен. Генри боится, что станет таким же.

- Ты поговоришь с родителями вместе со мной?

Напряженное чувство возвращается внезапно в желудок. Она трет ладонями свое лицо, и теперь я тоже вижу, как она волнуется. Мне всегда становилось плохо, когда я думала, что родители будут злиться на меня. Пандора всегда быстро принимала всю ответственность на себя, чтобы мы ни творили в детстве. Но на этот раз, я сама по себе. И мне нужна ее поддержка.

- Что если я скажу им, что залетела. Когда они начнут сходить с ума, мы просто скажем, что пошутили и что Пенни выходит за парня, который выглядит так, будто убивает людей за завтраком, - я бью ее по руке, а затем она приходит в себя. – Стой, ты же не беременна, да?

Я закатываю глаза, потому что она чокнутая... когда мне успеть забеременеть? Но потом она прищуривается.

- Ладненько. Давай сдерем этот пластырь, пока ты не начала изводить себя переживаниями. А потом ты меня покормишь, - добавляет она, пока мы вылезаем из кровати.

Пандора берет меня за руку.

- Если этот мужчина сломлен, никто не сможет излечить его, кроме тебя.

Ее слова удивляют меня, и я сжимаю ее руку.

- Спасибо.

Когда мы входим на кухню, то обе замираем. Папа прожигает взглядом Ивана, а мама стоит между ними. Иван не двигается. Выражение его лица нечитаемое, но я без сомнения понимаю, что родители в курсе наших отношений. Я чувствую напряжение в воздухе.

В конце концов, взгляд Ивана перемещается ко мне, и я замечаю, как все его лицо смягчается.

Мама оглядывается на нас с Пандорой, а папа следует за ее взглядом. Его внимание сразу же привлекает мой палец. Я не предпринимаю никаких попыток прикрыть кольцо.

- Пенелопа, - произносит отец, и я напрягаюсь, как струна.

- Следи за словами, - отвечает Иван.

- Черт, - бормочет Пандора рядом со мной. Никто не одергивает папу. Ну, никто, кроме мамы.

Папино внимание резко переключается на Ивана, который все так же смотрит на меня, как будто не дразнил только что огромного медведя. И тогда я замечаю, что они оба одного телосложения. Практически идентичного.

- Проголодалась, *красавица*? – спрашивает у меня Иван, как будто кухня не находится на грани взрыва.

- У тебя есть еда? – спрашивает Пандора, и я толкаю ее в плечо. А затем слышу, как фыркает мама.

- Ты не смеешь указывать мне, как разговаривать с собственной дочерью, - произносит отец, игнорируя всех, кроме Ивана.

- *Красавица* – мое сокровище. И никто не будет разговаривать с ней, кроме, как вежливо.

- Отлично, теперь я понимаю, почему ты так быстро в него влюбилась. У него есть еда, и он говорит подобную фигню.

Мне приходится прикусить губу, чтобы сдержать улыбку на слова Пандоры.

Папа глубоко вдыхает, как будто берет себя в руки.

- Я знаю, что она – сокровище, - папа переводит на меня взгляд, а мама встает рядом с ним. Я немного в шоке от того, насколько она спокойна и нормально относится ко всему происходящему. Но, возможно, она уже знает. Знает обо всем.

Отец неосознанно обнимает ее.

- Ты хочешь этого? – спрашивает он у меня.

- Я люблю его, - признаюсь я.

- Естественно любишь, - он шумно выдыхает. – Ладно.

- Ладно что? – переспрашиваем мы с Пандорой одновременно.

- Пенни, - папа произносит мое имя намного мягче на этот раз. – Все это просто очень трудно принять. Ты моя маленькая девочка. Ты любишь всем сердцем, и я просто не хочу видеть, как тебе больно.

- Я никогда не причиню боли Пенелопе, - Иван подходит ко мне, обнимая за плечи, и отец прищуривается на мгновение.

- Может быть и так, Иван, но нам все равно нужно поговорить об этом.

Я улыбаюсь Ивану. Иными словами, папа только что дал свое одобрение. Такое ощущение, что с груди сняли груз. Я даже не знаю, почему так волновалась. Я знала, что моя семья никогда не станет на пути моего счастья. Возможно, я больше всего хотела, чтобы он им понравился. Я хочу, чтобы Иван стал частью нашей семьи. Я хочу, чтобы он ощутил насколько потрясающее на самом деле иметь семью.

- Конечно, когда красавица поест.

- Я приготовлю завтрак, - объявляю я.

- Слава Богу, - отвечает Пандора, уходя к стойке и усаживаясь за нее.

Иван наклоняется и целует меня в макушку, прежде чем отпустить. Я подхожу к родителям.

- Хотите чего-нибудь?

Папа игнорирует мой вопрос, притягивая меня к себе, и они оба заключают меня в крепкие объятия.

- Я люблю тебя, - произносит папа.

- Дай посмотреть кольцо, - требует мама. – Похоже, кое-кто хочет, чтобы все в радиусе мили знали, что ты занята.

Я чувствую небольшой румянец, когда она улыбается мне.

- Я сейчас сдохну с голода, - ноет Пандора, и я закатываю глаза.

Иван занимает место за стойкой, когда я начинаю готовить. Он смотрит на меня, не отрываясь.

Я делаю для него кофе и ставлю перед ним. Он перехватывает мою руку и проводит большим пальцем по моим костяшкам.

- Я люблю тебя, *красавица*, - говорит он, поднося мою ладонь к своим губам и целуя.

- Я тоже тебя люблю, - отвечаю я, наблюдая, как улыбка растягивает его губы. Все его лицо так сильно меняется, когда он улыбается.

- Давайте обсудим свадьбу, - слышу мамин голос. Я оглядываюсь на нее, и она улыбается. А отец прожигает взглядом руку Ивана, которой он держит меня.

- Боже мой, мне нужно спланировать свадьбу! – визжу я от восторга.

- Это превратится в ад, - бурчит Пандора, но когда она поднимает голову, чтобы посмотреть на меня, она улыбается.

Затем я обвожу взглядом всю кухню, и вижу, как все улыбаются.

Я чувствую, как увлажняются мои глаза от переизбытка счастья, которое затапливает меня. Просто невероятно это количество любви в

одном помещении, но я не хочу ничего другого. Я знаю, что с этого дня моя семья будет становиться только больше. Не только с прибавлением Ивана, но и в наших сердцах.

А сейчас начинается новая глава.

Эпилог

Пенелопа

Несколько месяцев спустя....

- *Красавица*, - стонет Иван в мою шею, когда мы одновременно кончаем. Его теплое семя заполняет меня, и я только цепляюсь за него крепче, желая потеряться в этом моменте. Потеряться в нем.

- Прости, *красавица*. Я не очень контролирую себя с прошлой ночи.

Я лениво приоткрываю глаза на его слова. Его темный взгляд встречается с моим. Он наклоняется, захватывает мои губы нежным поцелуем. Когда он отстраняется, я улыбаюсь, потому что на его губах осталась помада. Мне, наверное, стоит сказать ему, но мне нравится сама мысль, оставить на нем свою метку.

- Я тоже соскучилась и никогда не извиняйся, - прошу его.

Мама и Пандора заставили меня устроить пижамную вечеринку прошлой ночью, ссылаясь на то, что невеста не должна видеться с женихом перед свадьбой. Мы с Иваном неохотно согласились, но я рада, что сделала это. Свою последнюю, незамужнюю ночь, которую я провела с мамой и сестрой, я буду хранить в памяти всегда.

Хотя не думаю того же об Иване, мне кажется он только и ждал того момента, когда сможет наброситься на меня. Сейчас единственный момент, когда я осталась одна за прошедшие сутки. Он выскочил из ниоткуда, задрал мое платье и пригвоздил к ближайшей стене. Я знала, что он следил и выжидал. От этого моя улыбка становится еще шире.

- Какого черта? – слышу визг Пандоры, когда она пытается открыть дверь моей спальни. – Ивану лучше не быть там! – орет она. Я борюсь со смехом, и даже Иван улыбается.

Он становится все ближе и ближе с каждым днем к моей семье. Он рассказал мне больше о себе, о своей жизни в России. Мне нравится, что он является такой же частью нашей семьи, как и все мы, и я знаю, что ему это

так же нравится. Пандора постоянно цепляет и подшучивает над ним. Поначалу я психовала из-за этого, считая, что она немного груба с ним. Но когда до меня дошло, что она ведет себя так же с Генри, я понимаю, что это ее способ принять его в нашу семью. Я даже поймала их смеющихся вместе, когда она так делала. Но и он тоже может ответить.

- Моя красавица здесь, так что, естественно, я рядом, - орет он через дверь. Он издевается над ней, а я только закатываю глаза.

- Отпусти меня, - шепчу я. Он шумно выдыхает, конечно же, не в восторге от этой идеи. – Чем быстрее я соберусь, тем быстрее навсегда стану твоей, - напоминаю я.

- Ты уже принадлежишь мне. А я тебе, - добавляет он, вызывая у меня улыбку.

- И тем быстрее мы уедем в наш медовый месяц, где будем только вдвоем целых три недели.

- Открой дверь, - рычит Пандора, дергая ручку.

Иван отстраняется, его член выскальзывает и вызывает мой стон. Его взгляд темнеет, и я знаю, что он снова хочет взять меня. Я чувствую, как его сперма начинает стекать вниз по моим бедрам, когда он ставит меня на ноги. Эта картина привлекает его взгляд, и он тянется ко мне. Мне приходится отпрыгнуть от него, пока меня снова не прижали к стенке. Платье опускается по ногам и снова прикрывает меня.

Иван поправляет одежду, пока я отпираю дверь. Пандора влетает внутрь, ее рыжие волосы в диком беспорядке. Она мгновение прожигает взглядом Ивана перед тем, как перевести его на меня.

- Ты испортила макияж.

- Она идеально выглядит, - Иван пытается одернуть ее.

- С каких это пор тебя волнует макияж? – спрашиваю я. Забавно то, насколько Пандора включилась в эту свадьбу. Она носится повсюду, рявкая приказами, контролируя выполнение всего. В ее защиту могу сказать, что я не настолько хороша в выяснении отношений с людьми, как она.

Я уже расстроилась, что приглашения были напечатаны неверно. Я

пыталась как-то поговорить с компанией, которая изготавливала их, но они отмахнулись от меня. Я рассказала Пандоре об этом, потому что знала, что если расскажу Ивану, то он, наверняка, спалит их контору дотла. Она казалась лучшей из двух бед, но после этого взяла все на себя. И ей определенно не нравилась сама мысль, что кто-то пытается водить меня за нос.

- С каких пор ты переодеваешься трижды на своей свадьбе? – бросает она в ответ, даже не ответив на мой вопрос.

- Мне все они нужны! – огрызаюсь в ответ. Свадебное платье, платье для вечеринки и платье, в котором я уеду. Для меня это кажется вполне разумным. – Ты тоже будешь переодеваться, - обвинительно заявляю я.

- Потому что я не хожу в платьях целыми днями, - она бросает взгляд на Ивана. Она, наверняка, гадает, что он все еще здесь делает. – Тебе, что, не нужно собираться?

Он лишь пожимает плечами. Он не уйдет, пока я не скажу.

- Ладно-ладно. Мы будем собираться, - говорю ей, возвращаясь к Ивану. Он наклоняется и целует меня. – Скоро увидимся, муж мой, - обращаюсь к нему, называя его «мужем» по-русски. За прошедшие несколько месяцев я многого нахваталась.

Он обхватывает мое лицо и целует в кончик носа, прежде чем уйти.

После, я перевожу взгляд на Пандору, которая стоит с мечтательным выражением на лице. Это выражение застает меня врасплох, и мне интересно, все ее разговоры о ненужности отношений – полная чушь?

Мы скоро обе пойдем в колледж. Первый раз, когда мы по-настоящему, расстанемся. Она уезжает в город, а я остаюсь здесь и буду заниматься онлайн. Моя тетя Мэллори подталкивает меня к бухгалтерии, и я начинаю думать, что это именно то, чего я хочу.

Иван открывает свой бизнес по отслеживающим устройствам. Ему постоянно приходят в голову классные идеи, в которые можно вкладываться. Возможно, я смогу помочь с этой стороной бизнеса. Мама с папой уже делают что-то вместе с ним.

- Этот мужчина любит тебя. Я чувствую себя засранкой за то, что попыталась встать у вас на пути, - наконец, говорит Пандора.

Я подхожу к ней и беру ее за руку.

- Тогда пообещай мне кое-что.

- Все что угодно, - мгновенно отвечает она.

- Когда настанет день, и ты влюбишься, то не вставай сама у *себя* на пути.

Она смотрит на меня мгновение, как будто раздумывает над этим.

- Хорошо, я обещаю, - отвечает она. – Не то, чтобы я считаю, что такой день вообще настанет, - добавляет она, а я качаю головой.

- Ладно, хватит обо мне. Нам нужно начинать, чтобы папа мог провести тебя до алтаря. Мы с мамой поспорили, сколько времени ему понадобится, чтобы отпустить тебя, когда вы дойдете до конца, - она наклоняется ближе. – Я поспорила на десять секунд, так что сделай своей сестре одолжение.

Я смеюсь на это.

- Но серьезно, давай сделаем это. Не знаю, сколько еще папа сможет сдерживать Ивана. Он уже упустил его один раз.

От этого я улыбаюсь еще больше, потому что мне нравится сама мысль, что папа с Иваном проводят время вместе. Они стали ближе, мой отец относится к нему как к собственному сыну. Господи, моя семья не может стать еще идеальнее. Они постоянно говорят, что я – сердце нашей семьи, но, на самом деле, для того, чтобы оно билось, нужны мы все вместе.

Эпилог

Иван

Десять лет спустя...

Пенелопа влетает в комнату и запрыгивает ко мне на руки. Я смеюсь и целую ее губы, унося в нашу спальню.

- Ты счастлива, *красавица*?

- Счастливее, чем считала возможным.

- Ты счастлива потому, что наши дети ночуют сегодня по соседству? – улыбаюсь я и трусь щетиной об ее шею.

Она хихикает, а затем фыркает, когда я бросаю ее на постель.

Нависаю над ней, рассматривая свою красавицу сверху. Годы стали даром для нее, потому что она становилась только красивее с каждым проходящим днем. То, насколько мягче стал ее животик и то, как расширились ее бедра... Нет зрелица потрясающей, чем моя жена, беременная нашими маленькими детскими. У нас их двое, и она говорит, хватит. Она говорит, что нас благословили одним мальчиком и одной девочкой, и что мы счастливчики.

Я счастливчик. Пенелопа, выбравшая меня себе в пару, себе в любовники до конца наших жизней – моя воплотившаяся мечта.

Мы сами создали свою семью, жизнь стала намного дороже, чем я мог вообразить. После нашей свадьбы она попросила жить рядом с ее семьей, так что я буквально построил дом рядом с ними. Я всегда буду выполнять все, что пожелает моя *красавица*.

Сейчас Пандора с семьей живет на другой стороне улицы от нас. Мы – одно большое скопище детей и нянек. Пенелопе больше всего нравится нянчиться с нами со всеми, и она быстро стала домохозяйкой. Люди шутят, что у нас тут целая колония, но я не вижу в этом ничего плохого. Мы все семья, и это именно то, о чем я никогда не осмеливался мечтать. Но по

прошествии лет, Пенелопа заставила меня понять, что надеяться можно.

- Я счастлива, что останусь наедине с тобой на всю ночь. Даже если на несколько часов, пока дети не попытаются пробраться сюда.

Я стягиваю ее сарафан и сандалии, целуя ее ножки. Мой рот продвигается выше, когда она открывает свои ноги шире для меня.

- Ты хочешь моих поцелуев? – спрашиваю я, заглядывая в ее зеленые глаза, которые владеют моим сердцем.

- Ты же знаешь, - она подмигивает мне, приподнимая бедра в приглашении.

- Тогда все их получишь.

Я опускаю свой рот между ее ног и целую сладкий нектар, пока она не кончает. Мы вместе десять лет, и когда я погружаюсь в нее, то всегда думаю о том, насколько каждый раз все по-особенному. Каждый раз, когда мы соединяемся, происходит любовь... любовь наших тел, любовь наших душ, любовь наших сердец.

Она обнимает меня за шею, и я притягиваю ее ближе, чтобы слиться вместе.

- Останься рядом, - шепчет она, и я подчиняюсь.

Я прижимаю ее крепче, вбиваясь в ее тело, не оставляя пространства между нами.

Несколько часов спустя она насыщается, а я окутываю ее всем своим телом. Не нужно слов, только поцелуи и легкие прикосновения, пока она засыпает. Я тихонько убаюкиваю ее, той же мелодией, что пою нашим детям. Она закрывает глаза, и темные полумесяцы ее ресниц делают ее похожей на куклу, такую же идеальную и нежную, пока она спит на моей груди.

Несмотря на то, что моя жизнь началась мрачно и одиноко, я благодарен за это. Я бы пошел по любому пути, который привел бы меня к любви, спящей рядом со мной, который привел бы меня к «долго и счастливо», которое мы строим. Моя красавица научила меня многому, но вера в сказки со счастливым концом – самое важное. Она показывает мне

каждый день, что мечты могут сбываться.

Notes

[←1]

Слова Ивана, выделенные курсивом, произнесены по-русски (прим. пер)